ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
Год издания 35-й

9 мая 1963 г., четверг
№ 55 (4642) Цена 4 коп.

Сегодня

- Празднику Победы посвящены очерки, статьи, стихи, новеллы — **Г. БОРЯНА, Б. ГАЛИНА, И. ГУРО, А. ДОВЖЕНКО, Б. ДУБРОВИНА, Л. КОПЕЛЕВА, Б. СЛУЦКОГО, С. СМИРНОВА, К. ГРИГОРЬЕВА, А. ТОДОРОВА.**
- Всесоюзное совещание молодых литераторов: в газете выступают **К. ФЕДИН** и **Н. РЫЛЕНКОВ.**
- О кругозоре советского студента — письма читателей.
- Памфлет **Зигфрида ЭЙНШТЕЙНА.**
- **В. АРДАМАТСКИЙ:** Шпионы — на скамье подсудимых!

СЕГОДНЯ — ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Гимн народу-победителю

ЭТОТ монумент встанет на вершине Поклонной горы. Той самой горы, с которой так хорошо видна Москва, на которой в 1812 году Наполеон ждал московских жителей с ключами от древнего города, да так и не дождался...

Именно здесь будет возведен памятник Победы над немецким фашизмом. Его авторы — скульптор Е. Вучетич, архитекторы Г. Захаров и М. Посохин.

...Сквозь строй знамен пройдет зритель к центру ансамбля. Здесь будет установлена величественная восьмидесятипятиметровая фигура советского воина-освободителя.

Монумент будет настоящим гимном советскому народу.

Сергей СМИРНОВ

Советский солдат

Посвящается народному художнику СССР Е. В. Вучетичу

Ему —
солдату —
мальчику
Угроза
Смертного пожара.
Стоит
с ребенком и мечом
Он
Посреди
Земного шара.
Стоит
на главном рубеже.
Готов помочь —
одной душе,
А то — и целому народу!
На страх
Любому сумасброду.

УЧИТЕСЬ У ЖИЗНИ!

Речь К. А. ФЕДИНА

Дорогие товарищи!

Позвольте приветствовать вас всех, делегатов и участников Всесоюзного совещания молодых писателей, сказать вам—добро пожаловать в Москву, — тем, кто приехал издалека, а с ними и москвичам, — добро пожаловать в этот зал юности!

Очень приятно, что долгожданное наше совещание ныне состоится, и цвет молодой литературы, надежда советского народа, надежда нашего искусства озарится его огнем.

Я позволю себе загодя выразить уверенность, что совещание это будет иметь большое значение для развития любимой нашей советской литературы.

Это совещание — настоящий праздник литературного труда начинающих писателей. Можно сказать — это своеобразный писательский съезд всесоюзного значения, если принять во внимание состав делегатов.

Это четвертое всесоюзное совещание молодых писателей, созванное Центральным Комитетом Ленинского комсомола и Союзом писателей СССР. Это традиция, хорошая, добрая традиция, которая уже дала вам очень видные результаты трех предшествующих совещаний.

Мы можем сказать, что более сотни литераторов, которые в то время только начинали работать, сейчас уже активно работают, занимая добрые места в советской литературе, и можно было бы назвать немало талантливых людей, мастеров литературы, тоже недавних участников подобных совещаний.

Ныне в совещании участвуют 170 делегатов. По возрасту они все почти моложе тридцати лет. 80 из них — члены комсомола.

Представлены все без исключения союзные советские республики. По языкам, на которых говорят участники совещания, состав нашего совещания тридцатитрехъязычный. Сюда послали своих молодых писателей и такие народы, которые до Октября не имели своей литературы, были практически безписьменными. Среди них — эвенки, ненцы, якуты, нивхи. Эти последние едва ли не самая малая народность. Только недавно появился первый поэт нивхов, и он здесь присутствует. Он приобрел образование в Ленинграде, он знает Россию, но до сих пор живет со своим народом, исторически расселенным, примерно по 2 тысячи человек, на Сахалине и Амуре.

В совещании участвуют писатели разных жанров: прозаиков — около половины числа делегатов, поэтов — 75 человек. Есть детские писатели, драматурги, критики, представлена также сатира.

Примечательны следующие два факта.

Очень многие печатающиеся молодые авторы, в том числе выпустившие по две, даже три книги, продолжают работать в области своей основной профессии, своего изначального труда, т. е. не спешат особенно профессионализироваться, как литераторы.

И второй факт. Основные профессии молодых писателей чрезвычайно разнообразны. Это означает необыкновенно широкое распространение интереса к литературе в народе и рост всеобщей культуры. Писатели идут в литературу из среды рабочих и колхозников, из инженеров, педагогов и военных.

Вот, например, очень показательный факт, свидетельствующий об этом. Издательство города Кирова выпустило навстречу нашему совещанию небольшую книгу, подготовленную газетой «Комсомольское племя». Она называется **«Молодость»**, и в ней напечатаны стихи начинающих поэтов, объединенных газетой, печатавшей их произведения.

Кто эти поэты? Я назову их по профессиям, к которым они принадлежат, в которых практически продолжают трудиться, в то же время с большим подъемом и страстью увлекаясь искусством стиха. Вот эти поэты — лесоруб, студент, библиотекарь, рабочий, инженер, курсант, юрист.

Книжка любовно выпущена, и она доступна каждому делегату, так как издательство прислало нам достаточное количество экземпляров. Во многих местах могли бы последовать этому хорошему примеру города Кирова и попытаться издать, такие же книжки. Получилось ведь очень интересно!

Наше совещание строится по принципу, который уже не раз себя оправдывал в прошлом. — это принцип семинаров, организованных по жанрам. Руководить семинарами будет большое число привлеченных к этому делу писателей, обладающих большими литературными заслугами, мастеров своего цеха, художников слова и видных критиков. Всего в семинарах примут участие более 150 писателей.

Не надо думать, что каждому из них будет дан один «воспитанник». Это не дядька, который будет водить молодого писателя за руку. Это хороший руководитель, который будет работать в семинаре с небольшой группой из 5—6 человек. Поэтому это число — 150, почти соответствующее общему числу делегатов, не должно вас «пугать». Слава богу, что они согласились поработать, и поработать как следует.

Передача опыта — вот под таким знаком будет проходить наше совещание. Это будет принцип, на котором строится вся жизнь нашей социалистической страны. Мы знаем о новаторах науки, новаторах производства, и всем известно, что **люди примера** должны быть руководящими наставниками. Люди знаний и мастерства призваны стимулировать рост культуры, эстетического развития, должны помогать воспитанию строителей коммунизма.

Итак, совещание будет проходить под знаком передачи опыта, будет посвящено писательскому труду. Скажу два слова о специфической стороне этого труда. Обратите ваше внимание на деятельность, вероятно, хорошо вам знакомую, такую, которую вряд ли можно знать исчерпывающе, — это деятельность Алексея Максимовича Горького, его работа с советскими писателями, тогда еще не столь многочисленными, как теперь. По писателям эти теперь уже стали так называемым «старшим поколением».

Как раз труд, идея труда были главным в деятельности Горького, в его общении с молодыми. Он не уставал нацеливать наши взоры, наше внимание на это самое важное начало, существующее в природе человека. Объединение людей в единство на основе общности труда — это было его ведущей идеей всей жизни.

Хорошо было бы, если бы наши молодые, познакомилась с его работой над рукописью, посмотрела бы пристальнее на самую технику, на мастерство труда, так хорошо отраженное рукописями Горького.

Хорошо поучиться и на примерах работы над рукописями Льва Толстого. Когда в них вчитываешься, видишь титаническое усилия, потребовавшиеся от этого гения для того, чтобы создать наследие, которым гордится весь мир, которое прославило человечество.

Очень поучительно было бы такое сравнение. Мы знаем Ленина, как ученого, как вождя пролетариата. Знаем его, как политика. Знаем его и как писателя, но знаем не так основательно, как следовало бы.

Обратите внимание на рукописи Ленина. Он был прирожденным писателем, он обладал страстью писателя, без которой нельзя было бы нам так хорошо понимать его книги, ибо без страсти они не доходили бы столь непосредственно до чувств и мыслей человека. Его рукописи учат тому, как надо работать над книгами.

Хочу обратить внимание молодых писателей на серию книг, тоже, конечно, широко известную. Она называется «Жизнь замечательных людей». Издает ее комсомольское, юношеское издательство «Молодая гвардия». Сейчас немало вышло новых книг серии, раньше не появлявшихся.

Я недавно взял книгу о Бальзаке, принадлежащую перу замечательного писателя — Стефана Цвейга. Едва ли он думал, что пишет для молодых писателей, но эта книга как будто родилась сама собой для юношества. Там есть страницы, очень выразительно рассказывающие о том, как работал Бальзак. Прочтите эти страницы, прочтите эту книгу, почитайте те книги, где говорится о труде, об условиях, в которых трудились писатели, об усилиях, которые требуются, при наличии таланта и вдохновения, при наличии способностей, даже обещающих быть гениальными. Труд писателя требует этих почти нечеловеческих усилий. Зато и вознаграждается он так, что мы можем радоваться затратам энергии, жертвам и мукам писателя.

Возможности поучиться, использовать наследие прошлого, традиции в национальных наших литературах очень велики. Я не говорю только о русской литературе, — мы ее сравнительно хорошо знаем. Но возьмите литературу Средней Азии, возьмите такого советского писателя, как Айни. Прочитайте историю его жизни, им самим написанную. Там поразительно сочетаются все лучшее, что есть в наследии азиатских литератур вообще, литератур Средней Азии в частности, с тем опытом и тем вдохновением, которые Айни получил уже в конце своей жизни, когда Советская власть открыла перед ним ворота, о которых он только мечтал в юности и которые потом удивительно изобразил в советской части своего рассказа.

Такие образцы, как жизнь этого человека, внесшего в свои труды все лучшее, что народом его и народами, близкими ему, было создано, внесшего строго современности, бьющуюся в его книге, как будто он был нашим ровесником, — такие образцы очень поучительны.

Нет разрыва в истории культуры, науки и искусства!

Но надо сказать, что преемственность — это не повторение. Современность органически, естественно включает в жизнь человека прежний опыт народов. Но вы, молодые писатели, тоже обладаете опытом, бесспорно. Он еще не так, может быть, широк, но перед вами открыта возможность его безгранично расширять, пополнять. Вы несете в жизнь свое, и это свое вы должны развивать на почве, на которой стоите, — на почве, которую вам дали лучшие из ваших предшественников. Не копировать, не повторять, не подражать ученически надо, а вникнуть, понять то, что вам преподано, и идти дальше, обогащаясь тем, что перед вами открыто, и делая новые и новые открытия. В этом истинный смысл связи прошлого с настоящим, в этом непрерывность связей поколений.

Вот почему важным и ценным для художника является постоянное напоминание партии о том, что художник должен обращать взор к современности, к нынешнему дню, ибо в этом дне источник движения вперед.

Сегодня в своей передовой статье газета «Правда» приветствует совещание молодых советских писателей и справедливо говорит о глубоком значении недавних встреч руководителей Коммунистической партии с творческой интеллигенцией Советской страны и большой речи, которую произнес Никита Сергеевич Хрущев.

Мне кажется, **единство** — вот что красной нитью проходит в обращениях и требованиях партии к советской литературе: единство с народом, единство писателя с партией, единство в идейной жизни писателей всех поколений внутри своих «цехов».

Мне кажется, задача предстоящей работы семинаров состоит в том, чтобы с живой силой убеждений и убедительности утвердить в сознании и чувствах молодых писателей верность идеологическим основам коммунистического строительства, верность эстетике социалистического реализма и вдохновить на труд, на овладение мастерством, умением «делать работу» писателя.

Учиться трудиться, товарищи! Учиться у жизни, перенимайте опыт жизни, перенимайте мастерство у своих товарищей, годы и годы поработавших в литературе,

ВЫСОТЫ МУЖЕСТВА

Гурген БОРЯН

ДАВНО отгремели последние выстрелы невиданной в истории человечества войны. Но чем больше отдаляются от нас годы этой великой битвы, тем ярче мы осознаем грандиозность подвига нашего народа.

Великая Отечественная война... Долгая, суровая, победоносная... День нашей Победы ковался в горниле нечеловеческих испытаний. У нас, непосредственных участников войны, навечно останутся в сердце и эпическая суровость фронтовых дорог, и содрогающая душу тишина сожженных деревень и опустошенных городов, и неубывающая боль воспоминаний о погибших друзьях, и недетская печаль в глазах сирот.

Я, в те годы военный корреспондент, не переставал изумляться силе духа советского солдата. Даже в трудное время отступления наших войск он свято верил в победу над фашизмом. В чем секрет этой гордой и непоколебимой веры, этого огромного морального превосходства наших солдат над жестоким и сильным врагом? В беспредельной любви нашей армии к социалистической Родине, в ясности целей, в сознании патриотического долга и ответственности перед историей, перед трудовым человечеством.

Мы победили. Я никогда не забуду слов моего фронтового друга, сказанных 9 мая 1945 года:

— Сегодня я счастлив!

Я знал, что на войне он потерял отца и двух братьев. Но чувство советского патриотизма помогло ему обрести несгибаемую стойкость, возвыситься над личным горем, подняться, подобно миллионам сынов нашей Родины, на подлинные высоты гражданского мужества и сознательного героизма, не имеющих себе равных в истории.

Эти качества и традиции, унаследованные советскими людьми от старой гвардии большевиков, так зримо проявившиеся в годы Отечественной войны, живут и сегодня в наших современниках, делами которых восхищаются честные люди всего мира.

...Часто я спрашиваю себя: выполнила ли наша литература свой долг перед героями Отечественной войны, олицетворяющими черты гражданина и солдата Нового мира? О войне создано множество хороших книг, и книги на эту тему не убывают. Имена их авторов могли бы составить длинный список. Лучшие произведения о войне отличаются глубиной исторической правды, широтой взгляда, ясной социальной мыслью. И это хочется подчеркнуть особо, потому что в последние годы в некоторых книгах о войне, к сожалению, зазвучали мотивы абстрактного гуманизма, даже пацифистские нотки. И то, и другое недостойно исторического подвига нашего народа.

Тема Отечественной войны далеко еще не исчерпана. Новые хорошие книги о доблести победителей фашизма будут воспитывать в подрастающем поколении любовь и преданность нашей Родине, жизнь и честь которой так мужественно и самоотверженно отстояли ее славные сыны.

ЕРЕВАН

РЕПОРТАЖ О ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

...И дальше в путь

ЭТО стало законом нашей жизни — поддержка всего нового, передача накопленного опыта, мастерства, благородных устремлений от более старшего поколения — более юному.

Так у нас повсюду и во всем. Так — и на совещании молодых писателей, созванном ЦК ВЛКСМ и Союзом писателей СССР. И совещание это уже не первое, а четвертое, и повестка дня похожа на предыдущие...

Так — и не так, было такое — и не было. Свет сегодняшнего дня — буквально и аллегорически — врывается сюда сквозь прозрачные стены гостиницы «Юность», и этим светом озарено все, что происходит здесь, придает совещанию особую значимость, новизну, свежесть... Люди, поднимающиеся на трибуну, и люди, внимательно слушающие их в просторном и переполненном зале, взволнованно и проникновенно размышляют о творческих путях, ведущих к осуществлению тех задач, которые поставлены перед ними на памятных встречах руководителей партии с деятелями литературы и искусства. А это и определяет значительность и плодотворность совещания, происходившего в зале «Юность».

— Очень радостно, — сказал первый секретарь ЦК ВЛКСМ **С. П. Павлов,** — что к совещанию молодых писателей приковано внимание нашей общественности. Советские люди надеются, что совещание будет содействовать появлению новых интересных произведений молодых литераторов.

С. П. Павлов приветствовал присутствующих в зале **А. Т. Твардовского, А. В. Софронова, Б. Н. Полевого, П. Г. Тычину, Н. С. Тихонова, Л. С. Соболева, С. А. Васильева, М. В. Исаковского, Е. А. Долматовского, Л. А. Кассиля, А. А. Суркова** и других ведущих наших писателей, которые пришли на эту встречу молодых литераторов.

«...И идти дальше!» — слова эти не раз звучали на совещании. Возникло такое ощущение, будто перед глазами присутствующих проходит эстафета поколений. И речь шла, радуется, не только о литературном наследии, а прежде всего о живой преемственности революционных, гражданственных традиций.

Константин Федин рассказывает о встречах основоположника социалистического реализма А. М. Горького с писателями, тогда еще молодыми, а ныне уже старейшими. **Павло Тычина** вспоминает о встречах полувековой давности с М. М. Коцюбинским, вдохновлявшим на творчество для народа совсем молодых тогда писателей. **Николай Рыленков, Алексей Сурков, Анатолий Софронов** в своих выступлениях прослеживают влияние классиков русской литературы и прославленных мастеров советской литературы на писателей более молодых и совсем еще молодых. И, право же, когда старшие и даже старейшие писатели рассказывают молодым о своих предшественниках и о том, как они учились у них, — нет-нет да и прозвучат в их словах какие-то совсем юношеские интонации, и невольно подумаешь о том, что молодость, конечно же, неувядаема, что она не только всегда рядом с нами, но и в нас самих, в самой нашей жизни.

— Ведь и в нашей литературе все большую роль начинает играть писательская молодежь, заявившая о себе главным образом во второй половине пятидесятых и начале шестидесятых годов, — сказал Н. Рыленков, — а многие талантливые писатели старшего и среднего поколения нереживают новый подъем, обрели вторую творческую молодость. (Выступление Н. Рыленкова легло в основу статьи, публикуемой в сегодняшнем номере «Литературной газеты».)

Новаторство, но не формалистический изыск, преемственность, но не подражательство — вот те пути, по которым идут творческие поиски советской литературы. Художник, изучая и осваивая прошлое, наше классическое наследие, непременно должен обращаться к современности, к нынешнему дню, «ибо в этом дне, — по слову К. Федина, — источник движения вперед».

Именно вперед! А чтобы курс движения был точен, чтобы не сбиваться с прямого пути, указанного партией, нужно повернуть свое творчество жизнью, нужно всегда иметь перед собой ясную цель — служить своим искусством делу строительства коммунизма.

Так естественно возник на совещании большой разговор о гражданском воспитании молодого писателя, о высокой идейности творчества литераторов, которые должны внести свой вклад в большую советскую литературу.

Этой теме посвятил свое выступление критик **В. Друзин.** Анализируя прозу молодых писателей, критик говорит «о широком фронте» изображения современного героя в произведениях молодых писателей, героя — строителя коммунизма, несущего черты нового, коммунистического. Это проблема главная, и, говоря о ней, мы обращаемся к таким сложным вопросам, как содержание и его воплощение, творческий метод писателя, его мастерство, единство традиций и новаторства. Все это неотделимо друг от друга. Но только тогда поиски новой формы будут успешны, когда они освещены светом высокой идейности, партийности, когда писатель видит перед собой ясную цель.

Оратор говорит о замечательном опыте советской литературы, о высокохудожественных образах положительных героев, созданных нашими писателями в 20—30-е годы. Именно у лучших советских писателей должны учиться молодые писатели, которые хотят создавать литературу, достойную великих задач, поставленных перед нами Программой строительства коммунизма.

В. Друзин критикует некоторые произведения, в которых вместо подлинных героев современности на авансцену выходит «звездные мальчики». В частности, ряд критических замечаний он высказывает о повести молодого способного краснодарского писателя Г. Садовникова «Суета сует». Молодым писателям нужно равняться на произведения, где действует смелый, цельный герой с высокими коммунистическими идеалами. Таких книг много.

О гражданской ответственно-

(Окончание на 3-й стр.)

Встреча М. Шолохова с коллективом ростовского театра

Ростовский театр имени М. Горького начал готовить спектакль по второй книге романа «Поднятая целина» в инсценировке П. Демина. Сегодня состоялась встреча М. А. Шолохова с коллективом театра, деятелями искусств, научными работниками университета и с писателями Дона.

Творческую встречу открыл секретарь промышленного обкома КПСС М. Фоменко. После выступлений режиссера-постановщика спектакля «Поднятая целина» Э. Бейбутова, драматурга А. Сучилова, профессора Ю. Жданова перед собравшимися выступил Михаил Шолохов. Он говорил о проблемах совершенствования сценического искусства, высказал ряд мыслей в связи с подготовкой спектакля по роману «Поднятая целина».

РОСТОВ-на-ДОНУ, 8 мая.
(По телефону).

СТРАНА ПРИВЕТСТВУЕТ ГЕРОЯ КУБЫ

Мурманск... Москва... Волгоград... После советской столицы посланцы свободолюбивого кубинского народа посетили город-герой. Город, о чьи твердыни разбились полчища фашизма. Естественно, сначала вождь кубинской социалистической революции посетил площадь Павших Борцов, Мамаев курган. А затем с необычайным гостеприимством его приветствовали трактористы-гиганты плотины Волжской гидроэлектростанции имени XXII съезда КПСС гости любовались бурным водопадом. И, наконец, митинг братства на Центральном стадионе. Фидель Кастро сказал там: «Великим уроком для всего мира явилось то, что страна, очень далеко расположенная от острова, где совершилась наша революция, первой солидаризировалась с нами, помогла нам выстоять перед атаками и блокадой империализма. Это великий урок, это великая истина».

Фидель Кастро находился еще в Волгограде, а Ташкент уже готовился к его встрече.

8 мая республиканские газеты опубликовали на первых полосах большое коллективное письмо в стихах узбекских поэтов «Добро пожаловать, товарищ Фидель Кастро!». Г. Гулям и Айбек, К. Яшен и М. Шейх-заде, Уйгун и Зульфия, Х. Гулям, Р. Бабаджан и Мирмухсин выражают глубокую любовь и восхищение всех советских людей мужественным народом Кубы, воспевают его героическую борьбу с врагами. Тут же десятки писем рабочих, хлопководов, садоводов, приглашающих дорогого Фиделя посетить их колхоз, посмотреть их завод...

16 часов местного времени. Сквозь тучи показывается долгожданный самолет, который встречают тысячи людей с цветами, флажками. «Виве Куба!» — скандируют ташкентцы. Кастро тепло обнимается со встречающими его товарищами Ш. Рашидовым, В. Г. Ломоносовым и другими.

Фидель Кастро говорит о своей давней мечте увидеть Узбекистан, о схожести его солнца и неба с солнцем и небом Кубы, о том, как много помогают узбекские хлопкоробы кубинским земледельцам.

* * *

...Незадолго до отъезда в Волгоград Фидель и его спутники побывали в гостях у писателя Бориса Полевого. Книги Полевого хорошо известны на острове Свободы. «Повесть о настоящем человеке» издана на Кубе 250-тысячным тиражом, «Мы — советские люди» вышла тиражом в триста тысяч.

Сердечно и непринужденно проходила эта встреча. Фидель с восторгом говорил о Советской стране, ее людях. Советская литература, сказал гость, — это воспитатель великого духа социализма. Он живо интересовался сегодняшней жизнью Сибири, Енисея. Жену писателя Юлию Осиповну Фидель учил варить настоящий кубинский кофе, а сыну Полевого Алеше, который, как и все московские мальчишки, звал его «дядя Федя», написал на память на фотографии: «Друг Алеша! Ты гражданин великой страны социализма и будь ее достойным сыном. Учись, закаляйся... Ты должен много знать и много уметь... Ты должен брать пример с великого Ленина... Всего тебя хорошего, приезжай на Кубу. Ф. Кастро».

Фидель Кастро в гостях у писателя Бориса Полевого. Фото Е. Халдея

НА ЗЕМЛЕ ОРЛОВСКОЙ

Грандиозная битва на Курской дуге — одна из самых ярких страниц борьбы советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. После нее Орловщину называли зоной пустыни: Смерч войны смел все живое, разрушил города, смел деревни.

Прошло почти двадцать лет. Наш фотокорреспондент А. Лидов побывал в местах, где когда-то были лишь развалины, встретился с людьми, которые дрались за Орел и после войны восстанавливали его.

На месте руин возник новый Орел — краше и благоустроеннее прежнего. И только танк на постаменте — первая из боевых машин, ворвавшихся в освобожденный город, напоминает о войне.

Интересной была встреча с одним из защитников Орла Сергеем Егоровичем Барновым. Сейчас он работает в депо, ремонтирует электровозы. В 1942 году восемнадцатилетним пареньком ушел он в армию, а в 1943 году с первыми отрядами разведчиков ворвался в разрушенный город. В двадцать лет его грудь украсила высшая воинская награда — звезда Героя Советского Союза...

И второй снимок сделан в Орле — около одного из обелисков на братской могиле, которых так много в этих местах, стоят пионеры. Торжественный момент: сегодня они принимают в свои ряды новых товарищей и у могилы отцов и братьев клянутся в верности Родине, дают слово так же стойко охранять ее рубежи, как охраняли их те, кто лежит здесь, под каменным надгробием.

Поспорим о кругозоре студента

ДА, СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ! А ТРЕБОВАНИЯ ВРЕМЕНИ?

ЧЕЙ «ФЛЮС» БОЛЬШЕ?

В редакцию пришло письмо студентов Московского физико-технического института К. Иванова, В. Дубнера, И. Рабиновича. В нем они делятся своими тревогами по поводу неновой односторонности образования гуманитарного, с одной стороны, и технического,— с другой.

В своем открытом письме, обращенном к студентам-гуманитариям, авторы призывают к взаимопомощи и взаимообмену знаниями.

Редакция познакомила с письмом группу студентов филологического факультета МГУ, которые написали ответ инженерам.

В этом номере мы публикуем одновременно оба материала. Думается, письма студентов МФТИ и МГУ вызовут у многих желание поспорить с авторами по ряду вопросов. Мы приглашаем читателей принять участие в обсуждении. Нам представляется, что обмен мнениями на эту важную тему принесет несомненную пользу.

Начнем с примера. В нашем физико-техническом институте работает один молодой преподаватель философии. Характерно, что, закончив не так давно философский факультет и защитив диссертацию, он попросил, чтобы его направили преподавать в какой-нибудь технический вуз. Придя к нам, он, к удивлению окружающих, стал упорно посещать специальные семинары по физике. Многим казалось странным, что преподаватель не стесняется спрашивать у студентов то, что ему непонятно в этой области. Но мы, разумеется, и не думали осуждать его за эту любознательность, ибо понимали: человек стеснен своим узкогуманитарным кругозором, ощущает его недостаточность, решил, так сказать, самодеятельным путем «восполнить пробел».

Путь трудный, сложный и не всегда и не всем доступный.

Что же сделать, чтобы кругозор современного молодого специалиста был возможно шире? Можно ли считать себя по-настоящему образованным человеком, замкнувшись в узкой научной отрасли? Терпимо ли невежество студентов-гуманитариев в области точных наук, а техников — в области гуманитарных? Эти вопросы по-настоящему волнуют многих и многих из нас, вокруг них возникают беспрерывно бурные дискуссии, но решение так и не найдено.

А может быть, и вопроса такого не существует, не существует противоречия двух начал? А что же тогда есть?

Есть какой-то флюс, только у каждого на своей скуле. С одной стороны у гуманитария, которому зажигалка, встроенная в портсигар, кажется чудом техники, с другой стороны у инженера, чьи познания о мире прекрасного ограничиваются десятком хрестоматийных сведений.

Да, «флюс» есть и у гуманитариев, и у техников. Но простите за нескромность, нам кажется, что у гуманитария флюс больше. Действительно, инженер, глубоко знающий искусство, — явление, в общем, не сенсационное, хотя и не такое уж частое. А писатель, художник, хорошо разбирающийся в технике?..

Одному из наших студентов пришлось побывать в качестве корреспондента популярного журнала на крупной научной конференции. В беседе с маститым ученым (а наш студент не раскрыл свою принадлежность к «ордену физиков») он упомянул об одном научном факте. Академик был безмерно удивлен и восторженно заявил, что впервые в своей жизни видит столь зрелищно-эффектно оформленный вопрос журналиста. А факт, знание которого поразило академика, был необычайно прост.

Вовсе не обязательно знать все: в наше время это невозможно. Но надо вылечить флюсы. Разве можно придумать оправдание для инженера, который половину своего дня живет в XXI веке, создавая технику будущего, а после работы, как в грустной сказке, проваливается на столетие назад и проводит вечер в занятии, достойном чиновников гоголевской эпохи, — за картами. Речь идет об украденном у себя времени, о непонятном равнодушии иных к прекрасному: музыке, литературе, живописи.

Кто же виноват, что получается так? Отчасти школа, не сумевшая зажечь интереса к искусству. Но не о школе хочется сказать: нас, выросших, за партту не посадишь.

Будем изыскивать возможности для исправления создавшейся ситуации в рабочем порядке. Как это сделать? Ввести факультативные курсы «технической грамоты» в гуманитарных вузах? Организовать кафедру «гуманитарной культуры» во втузах?

Ну, а если обойтись без штатных лекторов? Ведь мы сами можем помочь друг другу. Давайте попробуем устроить что-то вроде взаимного «ликбеза». Придет к гуманитарный вуз студент-физик со старшего курса и расскажет о том, как обстоят дела в мире элементарных частиц, или поделится интересными сведениями об астрономических исследованиях. А гуманитарии пусть расскажут о новых в стране поэтах, композиторах, художниках.

Приезжайте к нам. Да и мы в долгу не останемся. Хочется высказать уверенность, что мы договоримся. Ведь правда?

ДЕЛО НЕ ТАКОЕ УЖ ПРОСТОЕ

НАМ, молодым филологам, понятна тревога студентов Московского физико-технического института за судьбу инженера, «чьи познания в мире прекрасного ограничиваются десятком хрестоматийных сведений». И, конечно же, беспокоит нас гуманитарий, «которому зажигалка, встроенная в портсигар, кажется чудом техники». Студенты физико-технического института очень остроумно называют часть познаний «флюсом» невежества — перефразируя изречение Козьмы Пруткова: «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя». Согласны мы и с тем, что избавляться от этих «флюсов» надо и можно только общими силами.

Студенты филологического факультета МГУ согласны принять участие во «взаимном ликбезе». Нужно ли говорить о том, что мы, как губка, впитаем каждое слово о сегодняшних достижениях точных наук. И звонкой монетой отплатим сами — с удовольствием прочтем в техническом вузе цикл лекций в классической или современной литературе.

Но дело представляется нам не таким уж простым, как можно понять из письма студентов МФТИ.

Спору нет, нельзя считать себя по-настоящему образованным человеком, когда ты замкнут в своей специальности. Узкая специализация — разве это оправдание? Да, специализация! А как быть с всем? Необходимо стремиться к гармоничному, всестороннему духовному развитию. Студенты МФТИ просят гуманитариев: «Пусть расскажут о новых и старых поэтах, композиторах, художниках». И это как будто все лечение, которого они ждут от нас.

Но, дорогие техники, дело ведь не в том, что многие из вас недостаточно хорошо знают искусство, а в том, что далеко не все представляют, зачем нужно знать искусство. Для общей эрудиции только? Или только для эстетического удовольствия?

Вообразите инженера, читающего на досуге стихи Пушкина, а не кинущего за карточным столом. Не правда ли, хорошо! Мы искренне разделяем ваш восторг по этому поводу, но не снимаем своего вопроса: **зачем?**

Великий Эйнштейн любил Достоевского, много и жадно читал его — и это не в часы досуга, не потому, что следовал мудрому правилу: «отдых — в перемене занятий». Достоевский обогащал Эйнштейна как физика, как ученого, как человека, давал ему уроки дерзости, помогал ставить «жестокий эксперимент», мыслить необычайную ситуацию для изучаемого объекта. Об этом увлекательно рассказано в книге Б. Кузнецова «Эйнштейн, полюбившийся и многим филологам.

Конечно, неплохо, если студенты МФТИ, к примеру, ближе познакомятся с творчеством того или иного писателя «с целью повышения культурного уровня». Но гораздо лучше, когда пришел дальний. Ликвидация «флюса» невежества, по нашему мнению, будет лишь изначальной, но далеко не исчерпывающей задачей «взаимного ликбеза».

Как обидно, если математик, постигший гармонию чисел, слушает музыку только потому, что она приятно щекочет его слух. А ведь «чьи познания в мире прекрасного ограничиваются десятком хрестоматийных сведений». И, конечно же, беспокоит нас гуманитарий, «которому зажигалка, встроенная в портсигар, кажется чудом техники». Студенты физико-технического института очень остроумно называют часть познаний «флюсом» невежества — перефразируя изречение Козьмы Пруткова: «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя». Согласны мы и с тем, что избавляться от этих «флюсов» надо и можно только общими силами.

Студенты филологического факультета МГУ согласны принять участие во «взаимном ликбезе». Нужно ли говорить о том, что мы, как губка, впитаем каждое слово о сегодняшних достижениях точных наук. И звонкой монетой отплатим сами — с удовольствием прочтем в техническом вузе цикл лекций в классической или современной литературе.

Но дело представляется нам не таким уж простым, как можно понять из письма студентов МФТИ.

Спору нет, нельзя считать себя по-настоящему образованным человеком, когда ты замкнут в своей специальности. Узкая специализация — разве это оправдание? Да, специализация! А как быть с всем? Необходимо стремиться к гармоничному, всестороннему духовному развитию. Студенты МФТИ просят гуманитариев: «Пусть расскажут о новых и старых поэтах, композиторах, художниках». И это как будто все лечение, которого они ждут от нас.

Но, дорогие техники, дело ведь не в том, что многие из вас недостаточно хорошо знают искусство, а в том, что далеко не все представляют, зачем нужно знать искусство. Для общей эрудиции только? Или только для эстетического удовольствия?

Вообразите инженера, читающего на досуге стихи Пушкина, а не кинущего за карточным столом. Не правда ли, хорошо! Мы искренне разделяем ваш восторг по этому поводу, но не снимаем своего вопроса: **зачем?**

Великий Эйнштейн любил Достоевского, много и жадно читал его — и это не в часы досуга, не потому, что следовал мудрому правилу: «отдых — в перемене занятий». Достоевский обогащал Эйнштейна как физика, как ученого, как человека, давал ему уроки дерзости, помогал ставить «жестокий эксперимент», мыслить необычайную ситуацию для изучаемого объекта. Об этом увлекательно рассказано в книге Б. Кузнецова «Эйнштейн, полюбившийся и многим филологам.

Конечно, неплохо, если студенты МФТИ, к примеру, ближе познакомятся с творчеством того или иного писателя «с целью повышения культурного уровня». Но гораздо лучше, когда пришел дальний. Ликвидация «флюса» невежества, по нашему мнению, будет лишь изначальной, но далеко не исчерпывающей задачей «взаимного ликбеза».

РЕЛЯЦИЯ

Ирина ГУРО

НАВЕРНОЕ, мне надо было это написать раньше. Многое мы делаем поздно, утешая себя, что это лучше, чем никогда...

Батя собирался на Большую землю. Он вызвал нас и, оглаживая бороду, сказал:

— Давайте, пишите на своих ребят реляции. Кто чего совершил. Чтобы коротко и ясно. А вас я сам представлю.

Начальник штаба Василич сказал на всех, что сделаем.

Мы уже выходили из землянки, когда Батя закричал своим странно молодым, неистовым голосом, известным всему Партизанскому краю:

— Посмертно, посмертно не забудьте! Всех, кто в Лыньковье...

Он махнул рукой, слеза мгновенно набежала на его младенческие голубые глаза. И мы поскорее вышли. Смотреть на эту батину слезу было нестерпимо...

Мы тоже могли лечь там, в Лыньковье. Но полегли они.

И первые наградные листы мы написали на них. А потом перешли к живым.

Из нас пятерых трое были надровыми офицерами, заброшенными к партизанам в качестве инструкторов.

Мы знали, как надо писать реляции, эти несколько строк текста, в который чудодейственным образом укладываются величие подвига, безмерность скорби и великая сила надежды.

И мы справились с заданием Бати довольно быстро.

А когда мы все закончили, у нас всех одновременно возникла мысль: надо представить к правительственной награде и Писателя. Мы стали спорить: писать лист на медаль «За отвагу», — она очень у нас высоко ценилась, — или уж прямо к Красной Звезде. Мы тогда не были избалованы наградами, а медаль «Партизану Отечественной войны» еще не была учреждена. Решили поскромнее — «За отвагу». Ни фамилии, ни имени Писателя мы не знали, как не знали фамилий и имен многих других, представляемых к наградам. Это нас не смущало. Мы представляли в листах партизанские клички, а в Москве, в Центральном штабе партизанского движения, к нашим листам подкладывали справки с настоящими фамилиями.

Что же именно написать в реляции? И тут все стали в тупик.

Есть люди, которых запоминаешь не по их собственным поступкам или даже словам, а по отношению к ним других людей. Вот так было и с Писателем. Привез его в наши леса Батя. Из Москвы. С шумной компанией журналистов и даже с фотографом.

В ту пору к нам еще можно было пробраться верхом и пешим ходом. Узкая горловина некоторое время соединяла Малую землю с Большой. Через эту горловину, изрытую противотанковыми рвами, нафаршированную минами, так, что ступить негде, партизанские проводники наловчились переваливать вьючным порядком отряды и боеприпасы, и продовольствие, и фураж. Торопились, пока не спохватились немцы и не закрыли горловину. И люди пообойче, кого тянула в лесной штаб Бати его громкая слава, прошли партизанскими тропами. И как ни выходил из себя Эшва Васильич, насупрямив, веселые и не трусы, журналисты обсели его, нашего Батю, как ни сопротивлялся он изо всех сил.

Среди журналистов был и Писатель. Только он не заботился об интервью. И записывать ничего не записывал. И московских анекдотов не рассказывал. Да вообще помалкивал. У него были светлые прямые волосы, белые ресницы, бесцветные глаза. Сам он тоже был бесцветный, с простецким лицом.

Почему-то его сразу узнали в наших бригадах, и он подолгу бывал то в одной, то в другой. Сидел он на лошади, как кот на заборе, непрочно, вот-вот спрыгнет, локти растопыривал, словно подпасок в ночном.

Когда наша разведка донесла, что немцы готовятся закрыть горловину, Батя приказал вывести с Малой земли лишних людей. С великой неохотой ушли журналисты, отщелкал последние кадры фотограф. Не нашли только Писателя. Сказали, что он уехал в Третью бригаду. Послали нарочного, но комбриг Третьей передал, что ведет бой с полицаями, — каждый человек дорог.

А через несколько дней будто уже видели Писателя с разведчиками у Малого Брода. Он имел эту особенность — как бы одновременно быть в разных местах.

Писатель возник у нас в лесном штабе Бати как-то вечером. Гимнастерка его истрепалась вдрыз, и я выдала ему немецкий мундир с нашивками ефрейтора. Нашивки он сперол и спрятал «для памяти». В лягушачьем мундире Писатель со своими белыми ресницами был, ну, чисто — фриц! Эшва Васильич примирился с его присутствием, все равно уже выгнать его было некуда. И подарил Писателю трофейный автомат. Тот обрадовался. Он носил его, как все мы, перебросив на грудь, а запасные обоймы засовывал за голенища.

Так он остался с нами. Почему-то все были рады этому.

И вот теперь мы решительно не знали, что написать в реляции на Писателя.

— Я могу приплюсовать его к своим разведчицам, — не совсем уверенно предложила я.

— Там у тебя написано,— сказал Васильич,— что «разведчицы заводили знакомство с немецкими солдатами и, посиживая на лавочках, узнавали в обыденных разговорах, какие части стянуты против партизан и что имеют на вооружении». Что же, Писатель тоже с ними «посиживал»?

Все захохотали.

Инструктор по подрывному делу Сыч сказал:

— Я напишу, что он ходил с нами на «железку», рвал поезда с живой силой и техникой.

— Нельзя. Батя узнает, голову оторвет, — возразил Василич.

Все согласились, что оторвет. На «железку», уяснили, ходил, «лишний человек» ходил!

— Слушайте сюда, — заволновался Сашко-связист, — давайте напишем: «Писатель воодушевлял партизан на героические дела своими песнями». Будет вроде морально-политического фактора.

— Какие песни? Он же не поэт. Он прозаик, — сказала я.

Сашко не сдавался:

— Можно написать, что он вдохновлял нас своими романами.

— Романы сначала прочитать надо, а в нем, кажном, тысяча листов, — сказал Саввушка, разведчик.

— А кто там будет разбираться? Так и напишем: «Вдохновленные романами, партизаны с ужасной силой бросались громить ненавистных фашистских захватчиков», — упорствовал Сашко.

— Не вдохновенные, а вдохновленные... — задумчиво поправил Василич.— Пожалуй, напишем так: «Вдохновлял своим писательским словом»... А? Ведь делал-то он все, что мы... Вы чего смеетесь? Это я вам амтлих говорю.

Никто не возражал. Тем более раз «амтлих», значит, в порядке приказа.

Почью на партизанские костры сели два «кукурузника». В один кое-как втиснулся рядом с пилотом Батя, в другом приторочили к сиденью пленного майора, которого Батя забирал в Москву.

Правительственных наград Батя нам не привез. И сам в лес не вернулся. Злоупотребления периода культа личности жестоко ударили его...

Он вернулся много лет спустя, совсем уже старый, больной и, что казалось нам особенно удивительным, сгорбленный. Словно злая доля мешком уселась ему на спину и не хотела слезать. А он был полностью реабилитирован и носил генеральские погоны. Но было уже трудно себе представить, как в бурке, черным вихрем развевавшейся на ветру, скакал он дорогами великого Партизанского края. И колхозницы бросали работу в поле и бежали к нему, и подымали детей:

— Смотри, запомни. Это Батя. Он не пустит к нам Гитлера. ...Но это все потом было.

Вместо Бати прибыл другой командир.

А тем временем немцы подтянули к лесам горно-егерские части, сформировали ударно-карательные батальоны и пошли гонять нас, как зайцев.

Последний раз я видела Писателя на деревенской улице. Он бежал от околицы, зажимая рукой щеку, а из-под его ладони хлестала кровь. Пуля, вероятно, на излете пробила правую щеку и вышла у верхней губы. И рана была легкая.

Кончилась партизанщина. И мы все-таки получили обещанные награды. И вспомнили Писателя. Но в Центральном штабе не нашлось его документов. Мы резонно решили, что не так уж много писателей было по ту сторону фронта и пустились на поиски. Но нашего Писателя так и не нашли...

...КАК ТО в редакции «Октября» я нос к носу столкнулась с человеком, показавшимся мне знакомым. Он прошел, и вдруг я почти уверилась, что это —Писатель. Я спросила у редактора, кто этот человек. Мне сказали, что писатель, и назвали фамилию.

— Он не воевал в партизанах? — спросила я.

— Вряд ли, — ответили мне, — он такой тихий... И потом он все время был где-то тут, около нас.

Почему-то именно эти слова убедили меня в том, что я не ошиблась. Я выскочила в коридор. Этот человек мелькнул в его глубине. В меховой шапке и шубе он теперь не показался мне похожим... Но я уже заметила шрам на его щеке.

Если бы он попал в руки малольмальски толкового хирурга, ну хотя бы даже в медсанбате, — рану обработали бы так, что следа не осталось бы. Но его врачевал наш партизанский фельдшер, не мастак насчет медицины, — только что лихой был в бою. И шрам был тут как тут. Без ошибки.

Так мы встретились. Пошли к Васильичу. И выпили. И вспомнили старое. Потом мы решили представить все-таки Писателя к награде, — тогда, сразу после войны, это легко было сделать. И мы теперь знали фамилию и имя Писателя.

Мы нашли нашу старую реляцию и, чтоб крепче было, дали подписать ее бывшему командиру отряда.

В наградном отделе Верховного Совета у нас потребовали какие-то дополнительные данные. Мы позвонили Писателю. Он обещал прислать что надо. Но все откладывал. И так и не написал.

А нас опять развело в разные стороны. И я больше не видала Писателя.

Но так давно он умер...

Это все я рассказала о Михаиле Николаевиче Платошкине.

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

На днях в Центральном лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний состоялась встреча редколлегии журнала «Иностранная литература» с читателями. Главный редактор Б. Рюриков рассказал о планах журнала. Затем выступили В. Либер, М. Алигер, А. Никулин, Е. Долматовский, А. Сурков, М. Матусовский, Д. Самойлов, Ю. Мориц, А. Сергеев, А. Ревич. Проблемам современного кинематографа посвятил выступление режиссер С. Герасимов. Алексей Сурков поделился впечатлениями о встречах руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства.

Центр. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 55 9 мая 1963 г.

Александр ДОВЖЕНКО

Короткие новеллы

Газета «Літературна Україна» в одном из последних номеров познакомила читателей с несколькими ранее не опубликованными новеллами Александра Довженко. Они хранятся среди рукописей писателя, записанные аккуратным довженковским почерком в небольшой книжечке. Всего в ней собрано 12 коротких новелл, датированных военными и первыми послевоенными годами.

Сегодня мы печатаем две новеллы Александра Довженко в переводе на русский язык.

Федорченко

Федорченко звали меня, товарищи, Федорченко. Был я капитаном в начале войны и не смог отступать, такой я был гордый. Где бы ни встречался с врагом, побеждал его, потому как был храбрее и воевал лучше. Да на флангах у меня, как говорили, и справа, и слева стороны отступали. И я сгорал по дороге от отчаяния и гнева. И стыд жег меня огнем и гнул долу, вот такой я был гордый.

Федорченко звали меня, капитаном Федорченко, не мог я уже дальше брести по Украине на восток, и под Каховкой, пулемет взяв в руки и множество гранат, пошел один за смертью в поле, только б не видела несчастная вдова-Украина затылка моего. Вперед, вперед, Федорченко!

И я убил их, встретив целый полк одни, сотни три, а может, и четыреста, и сам пал на трупы, окровавленный, и умер от двадцати, а может, и больше ран.

Я бился часа четыре и был переполнен гордым счастьем боя. Всю свою жизнь, всю страсть, гнев, любовь, надежду — все, что нес в сердце своем, все отдал бою, все, что имел, до нитки.

Федорченко звали меня, товарищи, капитаном Федорченко Иваном.

14.1.43 г.

Китайский святой

КАПИТАН Василь Ус был пьян. И пьян он был не по-офицерски, а по-солдатски, по-юношески, весьма и тяжко пьян.

Но было у него железное сердце, и даже не шатался он. Такая в нем была сила, и такие у него были крепкие ноги. Хмель ударил ему в голову и в душу. И душа его расиевала и радовалась, забыв об офицерских погонах на плечах, о сталинградских, киевских, варшавских и берлинских орденах и медалях на груди. В душе капитана Василя Уса была вселенская весна.

Он вступил с бойцами в Мукден. Не близкий свет! Его встречали тысячи осчастливленных китайских людей:

— Шанго, капитана, шанго!

— Хорошо!

Играла неслыханная, какая-то расхристанная, веселая и волнующая музыка. Какой-то большой карнавал двигался по улице в удивительных масках и дорогом пышном убранстве.

Он и сам не заметил, как оторвался от своих и пошел с карнавалом, говоря китайцам что-то дружелюбное и любезное, обнимая и целуя их... И они обнимали его. Они надели ему на лицо косоглазую маску и какую-то корону.

Потом они вскинули его на плечи и понесли, как бога, вместе со своими забавными идолами. Ему стало еще веселее.

А было страх как весело. Он увидел перед собой словно весь земной шар, счастливый и удовлетворенный, который он освободил от зла, пройдя тысячи километров, пролиная кровь и пот без жалости, во имя братства.

И тут он увидел китайских рикш, бегущих, словно лошади, запряженные в красивые тележки.

— Ах, какая красота. Как ловко бегают! Эй, эй! — Капитан Василь Ус бросился к рикше. — Давай!

Богатый пассажир мгновенно шмыгнул в толпу, а рикша, увидев вместо богача русского офицера, побежал от волнения, радости, вдохновения так быстро, так страстно, гордо и красиво, как еще сроду не бегал с той поры, как запрягся.

Капитан Василь хохотал от счастья на легких рессорах и ревел громко погонять рикшу веселым пронзительным свистом и криком, кидая всем китайцам направо и налево приветливые слова.

— Ох, и легко здорово! Давай, давай! Смерть японским самураям! Эх, пошла... А ну, неужели я так не побегу? Быстрее побегу, убей меня бог!

И захотелось Василю самому испробовать китайскую игру.

— Стой! Стой, рикша! Садись! Садись, говорю тебе! Запыхался! Мы еще посмотрим, чей конь бойче,— крикнул Василь и, посадив почти сомлевшего рикшу в коляску, схватил оглобли и, как ветер, понесся по Мукдену.

— А... а... а... я-а...

Он был счастлив. Ему казалось, что он бежал ровно и быстрее всех на свете. Боевые ордена, заработанные в лютых боях, звенели на груди, блестя на солнце. И под это веселое бряцание промельнуло, пронеслось птичьей в голове недавнее, да, еще совсем недавно минувшее детство, когда он, пася телят, играл в лошадки, бегал наперегонки, оседлав лозину и взнуздавшись палкой.

Капитана Василя Уса задержал комендантский патруль и посадил на гауптвахту. Потом его судили за нарушение дисциплины и за неуважение к достоинству офицера. Его помиловали в знаник.

В то же самый день и час, когда его присудили еще и к дисциплинарному батальону, китайцы, обсудив у себя это беспримерное, немыслимое с тех пор, как свет стоит, чудо на улице и увидев в нем счастливый знак благодати Великого Бодисатвы Будды, возвели Василя Уса в ранг святых и поставили в своем храме престол его честному, благородному имени, что знаменовало собой божественный знак поворота судьбы народа на Добро.

И стали ему молиться.

Пройдут века: смерть и забвенье сотрут в дыму времени все имена и ранги — и судей, и владык великого города, и их детей, и внуков, и правнуков, и праправнуков. Останется капитан Василь Ус на престоле своего детского поступка.

10.1.1946 г.

ЧУВСТВО ПРОСТОРА

Николай РЫЛЕНКОВ

ЕЩЕ не так давно мы почти на каждом писательском собрании много и тревожно говорили о «постарении» советской литературы. Теперь, к нашей общей радости, положение резко изменилось.

Во-первых, в нашей литературе все большую роль начинает играть писательская молодежь, заявившая о себе главным образом во второй половине пятидесятых и начале шестидесятых годов. Во-вторых, многие талантливые писатели старшего и среднего поколения переживают новый подъем, обрели вторую творческую молодость.

В поэзии эти процессы особенно наглядны.

Совершенно очевидно, что без поэтов пятидесятых и начала шестидесятых годов нельзя представить себе нашу поэзию. Но точно так же нельзя ее представить без таких мастеров старших поколений, как Николай Асеев, Павел Антокольский, Александр Твардовский, Илья Сельвинский, Алексей Сурков, Семен Кирсанов, Николай Ушаков, Михаил Светлов, Леонид Мартынов, Ярослав Смеляков, Сергей Васильев, Николай Грибачев и многие другие, которые в последние годы создали свои самые молодые книги.

Я уже не говорю о поэтах военного поколения, таких, как Михаил Луконин, Сергей Орлов, Михаил Дудин, являющихся как бы связующим звеном между поэтической молодежью и седыми ветеранами поэзии.

Этот двуединый процесс и создает удивительное ощущение молодости, свежести и в то же время зрелой гражданской мужественности нашей поэзии, ее разнообразия и богатства.

В результате тех благотворных перемен, которые произошли во всей жизни нашего народа после XX съезда партии, перед советской поэзией открылись невиданные просторы. А чувство простора — одно из самых необходимых в искусстве. Без него подлинное искусство невозможно вообще.

Мы видели, как расправили крылья для новых взлетов многие талантливые поэты старших поколений. Не по дням, а по часам растет поэтическая молодежь в столицах и в глубине страны. Растет шумно, перебивая друг друга, горячо споря между собой, а порою — со старшими товарищами.

Многое в этих спорах идет от молодого задора, от избытка сил, кое в чем проявляются и излишняя самонадеянность, наивное желание заново изобретать для себя уже давно изобретенные велосипеды. Дают себя знать и проникающие с Запада модернистские влияния.

Долг критики и поэтов старших поколений — помочь молодежи разобраться в стоящих перед нею проблемах, направить на путь подлинного новаторства, всегда глубоко человечного, связанного с жизнью народа, вытекающего из его потребностей. Подлинное новаторство всегда базируется на освоении и переосмыслении опыта предыдущих поколений, на продолжении и углублении сложившихся и проверенных временем традиций. Такое новаторство никогда не приведет к формализму.

Это подтверждается всем опытом советской поэзии, и прежде всего опытом ее родоначальников и основоположников — Блока и Маяковского. Демьяна Бедного и Есенина, которые, каждый по-своему, аккумулировали все богатство русской и мировой гражданской поэзии.

Я не вижу особой беды в том, что некоторые молодые поэты интересуются творчеством Марины Цветаевой или Бориса Пастернака. Все это крупные мастера, внесшие определенный вклад в нашу художественную культуру, и знать их нужно. Беда заключается в другом, в некритическом отношении к творческому опыту этих сложных и очень противоречивых поэтов, в неумении отделить в их творчестве живое от мертвого. А критика наша долгое время стыдливо отмахивалась от поэтов, которые не вмещались в ее схемы. Она умудрялась многие годы обходить молчанием даже такого крупнейшего поэта революции, как Демьян Бедный. Его наследие до сих пор остается почти неразрытой целиной.

Надо ли говорить, что подобное отношение к нашему общему достоянию не помогало воспитывать литературную молодежь?

Наиболее характерной особенностью, определяющей и направляющей поиски самых разных поэтов последнего призыва, мне представляется стремление сочетать верность суровому реализму со смелой романтикой, показ масштабности времени с пристальным вниманием к внутреннему миру человека. Активный строитель коммунистического общества — это человек не только огромной целеустремленности, но и огромного духовного богатства. И очень радостно, что наши молодые поэты нашли путь к сердцу читателя.

Недавно я написал несколько добрых слов о первой книжке молодого поэта Владимира Пальчикова, работающего учителем в селе Калинино Омской области.

Я это сделал не потому, что он пишет лучше своих сверстников. С таким же правом я мог бы привести стихи Владимира Цыбина и Владимира Фирсова, Риммы Казаковой и Ольги Фокиной, Игоря Жданова и Леонида Агеева, Дины Злобиной и Светланы Евсеевой, Андрея Дементьева и Антонина Чистякова, Владимира Дагурова и Юрия Пашкова.

Я назвал Владимира Пальчикова потому, что он, как принято говорить, живет на далекой периферии, а наша критика редко кого замечает за пределами столиц.

Надо ли говорить, что это внимание «к периферийным» поэтам отнюдь не способствует их творческому росту, как не способствует обогащению всей нашей поэзии вообще?

В Москве и Ленинграде долгое время существовала тоже своя «периферия», куда нередко относились даровитые, но скромные поэты, не умеющие, да и не желающие следовать за шумной модой. Происходило это потому, что наша критика изо дня в день спорила о небольшой группе «модных поэтов».

МОДА по самой сути своей враждебна искусству. Она заставляет художника потрафлять самым незыскательным вкусам, изменять правде жизни, своему дарованию. Но еще хуже, когда вощедший в моду поэт возомнит себя властителем дум поколения. Всем памятна печальная судьба Игоря Северянина.

Мне не хотелось бы лишний раз возвращаться к ошибкам Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского. Они получили суровую и справедливую отповедь советской общественности, которая заставит их задуматься, если они дорожат доверием своего народа, если дорожат своими дарованиями. Им нужно подумать в тишине. Уж слишком много было вокруг них шума. Но сделать вывод из этих уроков должны не только они, а все те молодые поэты, кому не давали покоя их лавры.

Еще Гоголь говорил, что, прежде чем браться за перо, нужно воспитать в себе гражданина своего отечества. В письме к Белинскому от 11 июня 1847 года он писал: «Нужно, чтобы мы все-таки питали любовь к своей государственности, а не летали мысленно по всем землям, говоря о России: чтобы чувствовали, по крайней мере, что строение нового исходит из духа самой земли, на находящихся среди нас материалов».

У Евгения Евтушенко немало ярких, талантливых стихов, пафос которых направлен против стяжательства, равнодушия к людям, ханжества, против мещанства во всех его проявлениях. Но в некоторых лирических стихах он излишне нажимал на побочные, несущественные явления советской действительности, и потому подобные стихи подхватывались как раз теми, против кого обращен пафос его лучших вещей.

Мы помним, как хорошо начинал Андрей Вознесенский, выступивший с поэмой «Мастера», сразу обратившей на себя внимание. Но, раздумывая над его последними стихами, я не раз вспоминал слова одной поэтессы 20-х годов:

Я не люблю церквей, где волчий
Слышнее бога говорит...

Вольное искусство не терпит щегольства. В нем, по законам строгой соразмерности, все качества подчиняются воплощению идеи целого. Задача подлинного искусства, в особенности искусства социалистического, заключается вовсе не в том, чтобы осложнять простые явления жизни, а в том, чтобы распутывать сложнейшие клубки противоречий, находить путеводную нить, делать неясное ясным.

Андрею Вознесенскому еще не хватает самодисциплины, строгости, вкуса. Он молод и от избытка сил не прочь покрасоваться собой, своей непохожестью на других, даже своей непонятностью. Но то, что простительно молодости, непростительно зрелости. Андрей Вознесенский стоит на пороге зрелости, и литературные забавы ему не к лицу.

Во многом близкого Андрею Вознесенскому ленинградца Виктора Соснору, первая книжка которого «Январский ливень» вызвала уже немало доброжелательных откликов, оправдают от соблазнов литературщины его нелегкая биография, трудовая закалка, не позволяющая в поэзии играть в бирюльки. Но и он в последних стихах отдал немалую дань «игре в слова». Хочется надеяться, что это только детская болезнь, от которой он скоро излечится.

В последнее время широкий отклик получила публицистическая лирика Роберта Рождественского, собранная в книгах «Необитаемые острова» и «Ровесники».

Роберт Рождественский умеет придать гражданское звучание любой теме, как общественной, так и личной. Не все в его новых книгах равноценно, но, о чем бы он ни писал, он всегда говорит о том важном, что волнует его современников.

Можно ли и нужно ли сводить всю гражданскую поэзию к публицистической лирике или лирической публицистике, как делают некоторые товарищи? По-моему, нельзя и не нужно, так как это обедняло бы нашу поэзию. Понятие гражданственности в наше время необычайно расширилось. Самые высокие гражданские чувства у нас могут проявиться и воплотиться в любом труде, идущем на пользу человеку, помогающем нашему продвижению вперед, к коммунизму. Следовательно, и в поэзии мерой гражданственности должна быть мера человечности в нашем, коммунистическом понимании этого слова. В нашем обществе, которое борется за коммунистические отношения в общественной и личной жизни, в труде и быту, снимается и традиционное противопоставление гражданской и личной лирики. Поэтому было бы неправильно недооценивать любовные или пейзажные стихи. Да, любовной, и на пейзажной лирике, если они стоят на уровне нравственных требований времени, можно воспитывать самые высокие гражданские чувства. Я уже не говорю о том, что удовлетворение духовных запросов советского человека есть тоже гражданский долг.

Мы иногда требуем от художника того, что он не в силах дать, что не свойственно его таланту, и тем самым сбиваем его с толку. Мне хочется напомнить одно замечательное высказывание А. В. Луначарского из его статьи «Этюст Ренуар — живописец счастья». Он пишет: «Надо, чтобы мы не забывали, сколько нам отпущено хорошего судьбою, или, по крайней мере, какими мы могли бы быть счастливыми. Этого требуйте у Ренуара,— он даст. Великого мастерства требуйте, — даст. Душевной ясности почти святого человека требуйте,— даст. Неужели этого мало?»

Есть поэты — и хорошие поэты, — чьи строки рассчитаны на чтение не с трибуны, а вполголоса, то и про себя. Неужели их по одному этому нужно относить к разряду второстепенных стихотворцев? Думаю, что нет.

Неправомерным мне кажется и бытующее до сих пор в некоторых критических кругах противопоставление городских и деревенских поэтов как новаторов и традиционалистов. В основе такого противопоставления лежит чисто формальный взгляд на новаторство. Вообще практика показала, что разработка классических форм отнюдь не обязательно должна приводить к традиционализму, как и использование самой новейшей модернистской поэтики вовсе не гарантирует от эпигонства.

Мало кому известно, что даже такой поэт, как Михаил Исаковский, чье творчество является для нас образцом высокой простоты, в начале двадцатых годов переболел модным тогда имажинизмом. Но именно переболел, окончательно утвердившись затем на позициях реалистического искусства.

Кстати сказать, творческий опыт этого великолепного мастера еще до обидного мало изучен. Только этим и можно объяснить высокомерное отношение к его поэзии со стороны некоторых молодых поэтов и критиков. У нас до сих пор недооценивается новаторская сущность его глубоко демократической, народной поэзии. У него есть чему поучиться самым разным поэтам, и не только тем, кто разрабатывает «деревенскую тематику».

Может быть, самое важное, самое главное в творческом опыте Михаила Исаковского — это та высшая гражданственность, когда общественные и личные мотивы органически сливаются воедино, когда любовь к близким становится выражением любви к Родине, а любовь к Родине позволяет раскрыть перед близкими самые лучшие свойства души.

ХАРАКТЕРНОЕ для нашего времени, необычайно стремительное развитие техники никак не отдаляет человека от земли, не убивает в нем чувства природы. Напротив, наш современник, особенно наш советский человек, острее, чем когда-нибудь прежде, ощущает свою сыновнюю связь с землей, с родной природой. Все глубже проникая в ее тайны, он все полнее постигает ее красоту. Поэтому совсем не архаичны ни буйное половодье красок Владимира Цыбина и Анатолия Поперечного, ни задумчивая лирика полей и лесов Владимира Семакина и Владимира Фирсова. Другое дело, насколько это интересно в каждом конкретном случае. Вот тут-то и раскрывается простор для критики. Далеко не все хорошо в стихах «сельских» поэтов. Нельзя не видеть то и дело прорывающегося у Поперечного наивного биологизма и литературной вторичности некоторых стихов Благова. Но я считаю, что это не органические пороки, вытекающие из общей направленности их творчества, а недостатки мастерства, которые могут и должны быть преодолены.

До сих пор я говорил о лирике, но молодые поэты упорно стремятся и к овладению эпическими формами.

С большим интересом встретили читатели поэму Егора Исаева «Суд памяти», которую я считаю одной из самых серьезных удач нашей молодой поэзии в этом жанре за последнее время.

Она привлекает своим активным, я бы сказал, воинственным гуманизмом.

Молодая поэзия растет не только в столицах, а и в глубине страны, пробиваясь чистыми родниками из народной почвы.

До большого всесоюзного читателя все чаще доходят голоса сибиряков Майи Борисовой и Ильи Фонякова, уральца Владимира Дагурова, волжанина Николая Благова, калининцев Андрея Дементьева и Антонина Чистякова, смолян Юрия Пашкова и Владимира Простакова... Хорошее пополнение нашей молодой поэзии приходит из Советской Армии. В Воениздате вышли интересные книжки стихов Анатолия Паяленко и Юрия Продана, в библиотечке журнала «Советский воин» выпущены сборники Александра Дракохруста и Александра Коваля-Волкова, продолжающие высокие традиции патриотической лирики.

Недавно «Комсомольская правда» напечатала превосходный цикл Игоря Жданова, полный высокого пафоса гражданского долга, жажды подвига во имя и во славу трепетной любви к земле, к человеку, к жизни.

Конечно, были бы жаль, если бы наши молодые друзья из сказанного мною сделали поспешные выводы, решили бы, что все у них хорошо и завтра они будут на вершине Парнаса. До этого еще очень далеко.

Ведь возможности нужно еще претворить в действительность, а для этого, кроме дарования, необходимы терпение, упорство, трудолюбие, необходимо святое недовольство собой, постоянное стремление к совершенству, непримиримость к всяческой фальши и многое другое, что мы подразумеваем, когда говорим об ответственности художника перед временем, перед народом.

Борис СЛУЦКИЙ

ДЕВЯТОГО МАЯ 1945 ГОДА

Мир был нов. Но не как пятак,
Для чеканки вчера утвержденный.
Мир был нов, но совсем не так.
Мир был нов, как новорожденный.
Пусть кричит! Он едва прошел
Сквозь некраткую муку родов.
Что младенцам нехорошо —
Тяжело для стран и народов.
Мир был нов и был неразумен,
Тем не менее он родился,
Нарядился и утвердился,
Жизнестойкостью всех поразив.
Исчезает некрасота —
После долгого боя сдается.
Остается его высота,
Широта его остается.

Борис ДУБРОВИН

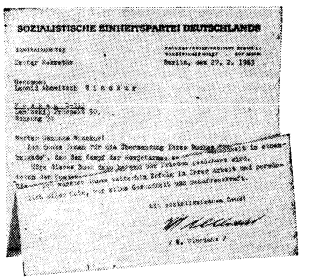
НАСТУПЛЕНИЕ

Нет, не атака!
Наступление —
Войск нарастающий накат.
Испепеленные селения
Зелою дышат на солдат.
По долгожданною расплатою
Встает возмездье и полный рост.
И небеса на землю падают
Очнем пятиконечных звезд.
Издалека тяжелой маскою,
Прощедшею неравный бой,
Надвинулась гряда Карпатская
И заслонила нас собой.
Мы — вверху!
И — все туманнее.
Тусклей разбитые мосты,—
В глаза стреляет расстояние,
Увиденные с высоты.
...И вновь, годами не размолоты,
Мне видятся на-под руки
Барханы крыш в пустыне города,
Осколков ржавые пески,
И вновь пехота расстилается,
Чтобы отсечь будущие пути,
И наступленье разрастается,
И некогда передохнуть!

Страницы великой летописи

ВОЛНУЮЩИЕ ДНИ

В ВОЛГОГРАДЕ в местном издательстве вышла книга «7-я Гвардейская». Автор записок — полковник запаса, бывший комиссар мотострелковой бригады Л. А. Винокур.



Комиссар бригады послал свою книгу в Германскую Демократическую Республику товарищу Вальтеру Ульбрихту: ведь солдаты гвардейской бригады, сражаясь за свою Родину, вели борьбу и за освобождение новой, трудовой Германии от фашистской нечисти.

Вальтер Ульбрихт ответил автору:

«Уважаемый товарищ Винокур! Благодарю Вас за присылку Вашей книги «Седьмая» гвардейская бригада», посвященной битве Советской Армии на Волге.

Пусть эта книга внесет свой вклад в дело укрепления памяти о геройских подвигах Советской Армии во время грандиозного сражения, которое явилось поворотным пунктом во второй мировой войне и тем самым положило начало освобождению народов Европы от ига гитлеровского фашизма. Воспоминание об этом историческом событии обязывает нас бороться против западногерманского империализма и милитаризма, дабы разбитым тогда не удалось ввергнуть человечество в новую мировую войну.

Желаю Вам дальнейших успехов в Вашей работе, а также всего хорошего, и прежде всего здоровья и творческих сил.

С социалистическим приветом

В. УЛЬБРИХТ».

Автор «7-й Гвардейской» ведет свой волнующий рассказ с того июльского дня сорок второго года, когда в поселке Сталинградского тракторного, в школе начали формироваться боевые силы отдельной мотострелковой бригады. Бойцами бригады стали рабочие индустриальных крепостей. Командовал бригадой старый тореовец, пулеметчик Богучарского полка Иван Дмитриевич Бурмаков.

В штабе фронта командиры бригады получают доброе напутствие от члена Военного Совета фронта Н. С. Хрущева. Он интересуется всеми подробностями жизни только что созданной бригады, настроением и духом бойцов. Никиту Сергеевича радует, что именно коммунисты и комсомольцы цементируют боевые силы идущей в сражение бригады.

2 августа на западной окраине села Дубовой Овраг бригада вступает в свой первый бой с немецкими танками. И так в боях — до самого февраля сорок третьего. С нарастающим упорством сражается бригада на улицах затянутого пороховым дымом, пылающего огнями пожаров города-героя. Улица за улицей, Октябрьская, Аммурская, Ветлужская, Коммунистическая, Суровская, Лоскомовская, Островского... Записки комиссара передают это страшное напряжение — бои идут за каждый метр, за каждый камень. 30 января батальоны стали блокировать Дом Советов, городской театр. Идет день, идет ночь. Бой завязывается в садах не подступах к театру. Вот уже проникли в искореженные обгорелые здания театра и Дома Советов батальоны Шлыкова и Медведева. Вдали, по ту сторону площади, высится серое здание универмага с обрушенными верхними этажами.

Запомнилось комиссару и бойцам: от сплошных разрывов снег перемешался с землей, крупнокалиберные пулеметы из уцелевших окон универмага бьют трассирующими пулями. В тусклом свете керосиновой лампы старший лейтенант Ильченко с группой бойцов метр за метром продвигается к универмагу. И вот уже видно, как ветер треплет белый флаг в воротах последнего опорного пункта фельдмаршала Паулюса. Ведут сигнал по радио — это Ильченко докладывает комбригу: «Мы уже в подвале универмага»...

А в марте на площади Павших борцов — вчера она еще насквозь простреливалась — из распахнутых дверей затихшего универмага выносят гвардейское знамя, опыные под этим знаменем мотострелковая бригада пойдет дорогами сражений до самого Дня Победы...

Б. ГАЛИН

В НЕБЕ БЕРЛИНА

На днях в Киеве бывший летчик-истребитель, Герой Советского Союза В. Бондаренко выступил со статьей, где рассказал об интересном эпизоде, который произошел на фронте в одни из последних дней второй мировой войны. Участником этого события был специальный корреспондент, авиационной армейской газеты капитан А. Хоружний. Ныне Анатолий Хоружний — писатель, автор многих повестей и рассказов.

Корреспондент «Литературной газеты» попросил Анатолия Хоружнего подробней рассказать об этом эпизоде.

— Первого мая 1945 года я прибыл на аэродром одной из авиадивизий, чтобы написать корреспонденцию о том, как проведут этот день наши летчики.

Возле штабного блиндажа стояли летчики с планшетами, рассматривая карты. Ведущий группы, командир полка гвардии майор Малиновский уже застегнул планшет, готовясь дать команду: «По машинам». В этот момент на аэродром прибыл начальник политотдела авиасоединения. Гвардии полковник поздоровался с летчиками, поздравил всех с праздником Первого мая и сказал, что командование армии поручает полку сбросить над Берлином в день Первого мая алое полотнище с надписью «ПОБЕДА».

Когда уже составили группу для почетного полета, возник вопрос:

Летчик Малиновский и А. Хоружний перед полетом.

— Мы тебе, капитан, напишем удостоверение, что принимал участие в этом торжественном для полка событии. А то ведь у тебя были другие редакционные дела, а ты их не успел сделать. Вот и будет оправдательный документ...

У меня, как и у каждого писателя и журналиста, участвовавшего в Великой Отечественной войне, остался много памятных записей и фронтовых блокнотах. Есть там и горькие страницы, есть и радостные. И, пожалуй, самая радостная запись — эта самая, от 1 мая 1945 года, старый «оправдательный документ» и фотография со знаменем перед вылетом на Берлин.

ПРИМЕЧАНИЕ КОРРЕСПОНДЕНТА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»:

Как выяснилось, Анатолий Хоружний не полностью выполнил тогда задание начальника политотдела. Очевидно, из скромности он не написал в армейской газете, как сбросили знамя над Берлином. После того как об этом появилась заметка Героя Советского Союза В. Бондаренко, Анатолий Хоружний, хоть и с опозданием на восемнадцать лет, все-таки выполнит его...

К. ГРИГОРЬЕВ

КИЕВ. (Наш корр.)

...И дальше в путь

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Есть герои в жизни, и они должны выйти на сцену! Разве ушла тема революционной романтики, героическая тема? Хочется напомнить молодым драматургам, какие цельные, сильные, подлинно советские характеры представали перед нами в пьесах Тренева и Вишневского, Погодина, Лавренева, Корнейчука.

ГЕРОИ нашего времени...

Поистине, слово художника правдиво и действенно только тогда, когда он хорошо знает нашу современность, глубоко и заинтересованно изучает ее, с партийной прозорливостью заглядывает вперед, в будущее. И уместно закончить эти заметки о совещании молодых писателей словами **Юрия Гагарина:**

— Я уверен: для того, чтобы видеть новое, надо много знать. Ведь еще не потеряли ни для нас, космонавтов, ни для вас, писателей, своей остроты слова старого флотоводца адмирала Макарова: «Широта горизонта определяется высотою глаза наблюдателя». Отлично сказано, не правда ли?

А вот в своей недоброй памяти «Автобиографии» Евгений Евтушенко хвастается тем, что он, дескать, никогда не изучал электротехники и ничего не знает об электричестве.

Нашел чем хвастаться! С таких это пор невежество порою возводится в степень некоей добродетели?

Что такое высота глаза наблюдателя? Это в первую очередь уровень твоих знаний, высота твоего идейного самосознания.

* * *

На вечерним заседании выступили поэт **И. Волгин**, поэт **В. Кузнецов**, председатель колхоза имени Макарова Звенигородского района Московской области **Б. Железнов**, литератор **П. Хлопов**, поэт **Г. Селга-Закис**, поэт **У. Умарбеков**, помощник начальника Главного политического управления Армии и Флота по комсомольской работе **А. Лизичев**.

...Уже второй день идет работа творческих семинаров, где обсуждаются произведения молодых писателей.

Всесоюзное совещание молодых писателей. Константин Федин беседует с участниками совещания Владимиром Сами (Сахалин), Юсуфом Анобировым (Таджикистан) и Николаем Федунцом (Украина).

Малинка РЕЦЕНЗИИ

ЮНОСТЬ СОЛДАТСКАЯ

УЖЕ само название книжки рассказов Михаила Скороходова «Юность солдата» заставляет предполагать, что в ней будет рассказано об ожесточенных схватках, грохоте орудий и пулеметов, красных ракетах... Но, читая ее, очень быстро убеждаешься, что «батальных сцен» в ней не так уж много и отнюдь не они занимают центральное место в повествовании.

М. Скороходов рассказывает, например, о солдатской «библиотеке» — библиотеке, состоящей из одной книги «Как закалялась сталь», зашитой по десять страничек и читаемой одновременно несколькими бойцами в перерывах между боями, об «угрызениях совести» у солдата, который во время боя потерял одну страничку и тем лишил товарищей возможности прочесть ее («Библиотека Ершова»)...

Он рассказывает об удивительной судьбе немецкой овчарки, и в этом — лучшем в сборнике — рассказе («Райх») содержится глубокий и важный смысл. Потеряв своего хозяина — начальника концлагеря, одинав, сколько долго, уже после войны, живет в лесу и, наконец, приходит к прежнему обитателю старику Иванькину и приживается у него, как будто совершенно изменив свой свирепый нрав. Но когда она видит на экране концлагерь, оборванного человека перед вытолщенным фашистом и слышит знакомое немецкое слово: «Взять!» — она вдруг кидается на экран и вцепляет свои клыкастые мстительные зубы... В этом зловещем финале — страшный аллегорический смысл: фашизм не умер, он еще гнездится в душах, отравленных им, и его «перевоспитанье», не приручишь...

Скажем честно: в рассказах М. Скороходова есть и сухие, протокольные страницы. Это тем обиднее, что рукавлю рядом с ними соседствуют другие, которые можно оценивать по настоящему, большому счету литературы.

А лучшие, что есть в этом небольшом сборнике, убедительно и вдохновенно говорят о том, почему жизнь восторжествовала над смертью, говорит не только о мощи советского оружия, но и о великой силе и чистоте духа народа, благодаря которым мы победили в той тяжкой и великой войне.

В. НИКИТИН

Михаил Скороходов. «Юность солдата». Рассказы. Издательство «Молодая гвардия». 1963.

Сегодня — национальный праздник Чехословакии

ПАМЯТНИК НЕРУКОТВОРНЫЙ

Борис КРЫМОВ

ЧЕСКИН-КРУМЛОВ — чудесный городок на Влтаве, в Южной Чехии. Тут, наверное, самые запутанные, самые узкие и самые крутые улицы: самый древний в Центральной Европе театр расположен посреди самого уютного парка; настоящие медведи бродят по рву перед замком. И, наконец, здесь самый неприступный замок, вырубленный прямо в скале, — с бойницами, мрачными подземельями и огромным гербом — пятилепестковой розой, тоже высеченной в скале. Шварценберги — родовое имя владельцев замка. Германское имя — германского рода. Впрочем, владели они не только замком. Их дома и поместья были повсюду. Пройдите по Чешн Крумлову — и на домах вы увидите пятилепестковую розу. Символ владычества Шварценбергов, символ немецкого владычества, символ чешской подчиненности.

Так, во всяком случае, казалось Габсбургам, Шварценбергам, Палффи и как их еще там звали, тех, кто владел чешской и словацкой землей. План их был прост: вначале унизить народ, сжать его душу в тисках гнета, подавленности, безысходности, затем вообще раздавить эту душу, заменить ее каким-то подходящим «великогерманским символом», то ли нежной каменной розой, то ли кровавой свастикой. А это будет значить, что чешский народ исчезнет, пропадет с лица земли.

Безотказный, казалось, был план отказал с самого начала. Не удалось унизить, оплевать душу народную. Без страха и робости смотрели люди на атрибуты, долженствовавшие свидетельствовать об унижении. И так же равнодушно скользят они ныне взглядом по пятилепестковым розам. Их даже не снимают, как и многие другие геральдические знаки, барельефы, надписи на стенах домов. Не стоит труда...

Но это отнюдь не то равнодушие, когда человек одинаково быстро забывает и плохое, и хорошее. Народ Чехословакии ничего не забыл — ни плохого, ни хорошего.

И менее всего он собирается забыть годину гитлеровской оккупации.

Страшные документы собраны в музеях Чехословакии. Это приказы об уничтожении отдельных людей, групп людей, целых сел, приказы об уничтожении всей интеллигенции. Я видел, как перед подобным «объявлением» остановился турист. Он удивился, что столь жуткому документу отведено весьма неприметное место... Его надо бы увеличить, повесить на самом виду. Чтобы о нем знал и помнил каждый. Чтобы он постоянно был перед взором.

— Вы думаете, народ забыл обо всем этом? — возразили ему. — Подчас одно сказанное шепотом слово запомнается на всю жизнь, а самые громкие и свирепые угрозы не оказывают никакого воздействия. Этот и подобные ему приказы в годы оккупации висели на самых видных местах, а уж как они «внедрялись», вы, конечно, знаете. И что же, получали они народ? Ничуть...

Путешествуя по Чехословакии, мы потом не раз убеждались в справедливости этих слов. Но особенно запомнился разговор с Романом Калиским. Это было во время поездки по Татрам, по следам словацкого национального восстания. Сопровождал нас, двух московских журналистов, Роман Калнский, участник восстания, ныне видный словацкий публицист. Здесь каждое село, каждое ущелье, каждый поворот дороги говорят о великих, героических событиях. По этой ветке шел в свой первый путь партизанский бронепоезд — платформы, на которые поставили танковые башни. Вот она еще стоит, одна из таких платформ. А по этой тропинке осуществлялась связь с Советской Армией. По дороге шли немецкие танки на Банска-Бистрицу... Каждый камень тут полит кровью, под каждым деревом — останки погибших. Но если не считать памятников да мемориальных досок, ничто как будто не напоминает о минувших сражениях, об отчаянной борьбе народа. Только смехом детей изредка нарушается величественная тишина живописного пейзажа.

Но кто осмелится подумать, будто забыт подвиг героев, будто дети не чтят отцов, перед которыми преклонился весь мир?

— То, что у нас в сердце, никогда не забудут! — заметил Калкский. — Вы думаете, только такие ветераны, как я, помнят все детали нашего восстания? Спросите любого паренька, и он расскажет вам все до мельчайших подробностей, хотя это было еще до его рождения. И знания свои он почерпнул не из книг. Вы видели только что памятник советским воинам, которые вместе с нами сражались за свободу Словакии. Но, поверьте, живой памятник им в словацком сердце величественнее и выше любого каменного монумента.

...Есть слова, к которым мы уже привыкли, и потому восприятие их несколько притупляется. Нужен какой-то толчок, какие-то необычные условия, чтобы мы вновь почувствовали всю их значительность и величие. В этом смысле мне «повезло». Выйдя как-то вечером из братиславской гостиницы, я вскоре, к стыду своему, обнаружил, что не могу найти обратную дорогу. Я решился остановить прохожего с портфелем в руке. Он очень любезно и очень подробно объяснил, как пройти, а затем, поколебавшись, спросил:

— Простите, вы не австриец?

— Нет, я русский.

— О, русский! Разрешите, я вас провожу...

Я не знаю ни имени этого словака, ни чем он занимается. Я наручно не спрашивал его об этом, хотя мы шли до гостиницы ровно два часа. Но пусть сотрутся с годами другие впечатления, а тот ночной разговор на улице Братиславы останется в памяти навсегда. Это был разговор о советских воинах, советских людях, освободивших Чехословакию в сорок пятом... Мой собеседник тогда жил в Братиславе. Он отлично запомнил имена и лица тех, кто вступил в Братиславу. Он говорил о них и спрашивал о них, но, увы, я не знал их...

— Ни я, ни дети мои их никогда не забудем! — воскликнул мой спутник.

Эти слова он сказал на берегу Дуная, у своей самой любимой реки, в Братиславе, самом дорогом для него городе на свете. И я вдруг в ночной темноте воочию увидел самый высокий, самый величественный памятник.

Это памятник великой победе и великой дружбе.

Памятник вечен. Ибо победа — навеки. И дружба — навеки.

ОРУЖИЕ СЛОВА

Лев КОПЕЛЕВ

НАШУ победу на фронтах добывали и пехота, и артиллерия, и танки, и авиация... Но в День Победы хочется отметить еще один род оружия — слово. Нет, я имею в виду не военную литературу, не боевую агитацию и пропаганду — даже не газеты. Здесь речь пойдет о слове в прямом смысле, о правдивом слове, обращенном к войскам противника. Это было слово, запечатанное в десятках миллионов листовок, которые сбрасывали боевые самолеты, «распространяли» разведчики. Это было слово, звучавшее в громкоговорителях агитавтобусов, переносных окопных «звуковок» и выкрикиваемое в обыкновенные самодельные рупоры из воронок, из окопчиков боевого охранения. Короткое слово, начертанное на саженных плакатах у переднего края, и рассказы гитлеровских солдат, которые попали в плен, чтобы там антифашистами и пленными через фронт, чтобы раскрыть глаза своим товарищам...

Победой в этих «сражениях» были перебежчики, предъявлявшие листовки «пропуска в плен», приходившие сдаваться по призыву наших «звуковок».

В первые месяцы войны это были единичные случаи. Но все же были.

Десятки перебежчиков пришли из испанской «Голубой дивизии». Первые появились у нас 20 октября 1941 года в районе Новгорода. Два друга из Бильбао: весельчак Эмилио Родригес Орвегосо и меланхолический Сантьяго Романо Бланко стали дикторами на «звуковке», призывали земляков следовать своему примеру. Правда, за ними требовался контроль, так как они не скупились на несложную импровизацию по схеме: «Франко ...сын», «Гитлер ...сын», «генерал Нунье (командир «Голубой дивизии») ...сын», все фашисты — ...сыны». Пожалуй, Франко, и так далее, и тому подобное. Однако дальнейшие перебежчики, которые приходили почти ежедневно, говорили об убедительности подобных передач — слышно было, что «говорят настоящие испанцы».

Осенью 1942 года на реке Пола между деревнями Рыжалово и Начкин (в районе Старой Руссы) добровольно сдались в плен сорок немецких солдат. Они поднимали вверх листовки с «пропусками в плен» и старательно выкрикивали слова, которые мы во всех листовках печатали латинским шрифтом: «Сдаюс... мье стрельайте!»

В январе 1943 года в Великих Луках воздействие листовок, плакатов, звукопередач, «шепотной» пропаганды антифашистов нанесло немецкому гарнизону огромные потери; рядовые солдаты перебегали в плен толпами, появились перебежчики-офицеры. Именно это окончательно убедило в необходимости капитулировать фанатичного нациста фон Засса, которого Гитлер назначил комендантом «крепости Великие Луки и даже в его честь переименовал Великие Луки в «Зассбург».

В МАРТЕ 1945 года в городе Грудзенца на Висле нашли был захвачен немецкий полевой госпиталь, который взяла под опеку гвардии старший лейтенант Галина Хромушина, донская казачка. Она отлично владела немецким языком, была храброй, остроумной, находчивой propaganda. Несколько солдат, видевших это, добровольно сдались в плен и рассказывали о том, как повлияла на них героическая смерть советского офицера.

Полковой комиссар Самойлов был смертельно ранен в Сталинграде. Пали в бою политрук Герасим Бандалин, сержант Нестор Булатов, батальонный комиссар Аппаратников, политрук Яков Харин. Бывшие солдаты немецкой армии Эвальд Май, Ганс Яэ, Гарри Мейер, Фриц Роте погибли, выполняя боевые пропагандистские задания...

СЕГОДНЯ, в День Победы, мы говорим: — Мы не хотим войны. Наше оружие никогда не начнет стрелять первым. Но у нас есть и другое оружие, которое действовало, действует и будет действовать. Это оружие слова. Пусть крепнет оно для все новых и новых бескровных битв за торжество мира во всем мире, за великую правду социализма!

ВМЕСТЕ ИДУЩИЕ

«Несмотря на все трудности, непрекращающиеся атаки и провокации западногерманских реваншистов и милитаристов, мы твердо и уверенно идете по избранному народом республики социалистическому пути. В борьбе за мир и социализм весь советский народ с вами».

Эти слова из приветствия Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева руководителям Социалистической единой партии Германии, правительства и Национального фронта ГДР отражают мысли и пожелания всех советских людей. Советский народ от всей души желает трудящимся Германской Демократической Республики новых успехов в построении социализма и оказывает им в этом благородном деле всестороннюю поддержку.

Восемнадцать лет назад была начата новая глава в истории Германии. Над страной забрезжил рассвет. Но только на востоке страны, где народ действительно получил все возможности для ясного и недвусмысленного выражения своей воли, этот рассвет превратился в утро новой жизни. На западе же под закрывшими небосвод тучами западной оккупации пышно разрослись реваншизм, милитаризм, расизм. Зловещие силы вновь грозят бедствием человечеству. Бастионом против этих сил выступает ГДР — первое в немецкой истории государство трудящихся, важнейшим лозунгом этого государства, всех его тружеников стала дружба с Советским Союзом, единство сил социализма, пролетарский интернационализм, объединяющий народы.

Рам вот-вот пойдет на СССР в ГДР по нефтепроводу «Дружба», — все это звенья великой цепи дружбы и единства наших народов.

ПОЛОЖИТЬ СЕКИРУ ПОД КОРЕНЬ!

Зигфрид ЭЙНШТЕЙН

Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.

Евангелие от Матфея, глава 3, стих 10

ЧТО за деревья растут в этой стране! Могучие и высокие, почти достигающие неба. Но в каждой их ветви — сок коррупции, и каждый их лист окрашен в цвет неправедности, и каждый плод с каким-то ядовитым привкусом. Такую флору не только терпят, но и поощряют, почитают. Ею даже восхищаются. Сотнями тысяч растут ядовитые деревья вдоль дорог, перед роскошными виллами и в городах Западной Германии. Они буйно цветут в стране, где над глубочайшими бомбоубежищами перебросились высочайшие мосты, где самые микроскопические мозги заключены в огромные черепа солдафонов, где самые высокооплачиваемые военные преступники разъезжают в автомобилях с пуленепробиваемыми стеклами, где всякие кто-нибудь попытаются положить секиру под корень», его сразу же объявят коммунистом или, в лучшем случае, сторонником «Немецкого союза мира».

Деревья эти были в большом почете еще до эпохи «тысячелетнего рейха». По истечении этой «тысячи лет» они недолго носили траурный флер, а затем вновь облачились в торжественную крону, расшитую позументами и галунами и обильно опрысканную «германским духом».

И вот сегодня они опять тянутся ввысь и словно говорят: «Да, ураган нас не сломил... Всякий раз, когда он налетал, мы гнулись долу... Потому и стоим поныне, потому и прямо стоять будем!»

Эти деревья стояли при Вильгельме Высокомерном, при Гитлере Кровопийце, они продолжают стоять и при Конраде «Вечном». И все из-за того, что мы никак не соберемся положить секиру под их корень, а лишь пытаемся от случая к случаю сорвать с них фальшивый листок, сбить отравленный плод. Вот почему, устремленные в небо, они все еще стоят, сильные и высокие.

ЕСТЬ у нас человек, который двенадцать лет кряду истязал плеткой-трехвосткой и стальным прутом ни в чем не повинных и безоружных людей, «обучал» эсэсовцев и поджигал дома. Представ перед судом, он сказал твердым голосом:

«Ведь мы были всего лишь фанатичными немцами. В заключенных я видел изменников родины, врагов государства».

Так и сказал! Он, видите ли, был «всего лишь фанатичным немцем», а его фанатичные немецкие глаза видели в тех, кого живыми клали в стоящие наготове гробы, «изменников родины и врагов государства». Следует ли считать убийцей человека, который умерщвлял людей «водными процедурами», «допрашивал» их до обморока, натаскивал собак на врагов государства, приказал еврею д-ру Фрицу Александру Сольмицу повеситься; действительно ли следует считать убийцей этого мастера пыток, явившегося на суд в безукоризненно сшитом однобортном костюме и белоснежной рубашке? Он ведь провозгласил, чтобы в тюремной церкви на полную мощность играл орган — громкая музыка заглушала крики истязуемых. Или он из тех, кого нынче в Западной Германии называют «людьми честными и открытыми», которым «и без того тяжело нести вполне законно приказал еврею д-ру Фрицу Александру Сольмицу повеситься; действительно ли следует считать убийцей этого мастера пыток, явившегося на суд в безукоризненно сшитом однобортном костюме и белоснежной рубашке? Он ведь провозгласил, чтобы в тюремной церкви на полную мощность играл орган — громкая музыка заглушала крики истязуемых. Или он из тех, кого нынче в Западной Германии называют «людьми честными и открытыми», которым «и без того тяжело нести вполне законно приказал» (именно так выразился штутгартский журналист Фриц Трефц-Айххофер в газете «Мангеймер морген» о профессоре-преступнике Курте Лейббранде)?

Да, мы живем посреди бесчисленного множества штурмфюреров СС, из которых одного зовут Дузенцшеном, Вилли Дузенцшеном.

Поедемте в Штутгарт, в страну бравых швабов, где столько уютных трактиров и набачнов. Там заявимся к г-ну прокурору Нельманну и от души поприветствуем его. Наш швабский генеральный прокурор уже довольно давно распорядился о прекращении следствия по делу бывшего «ландгерихстрата» берлинского земельного суда, бывшего «каммергерихстрата», бывшего «зондергерихта», бывшего грозы «народного суда» и нынешнего «ландгерихстрата», д-ра Пауля Раймерса из города Равенсбурга. Г-н прокурор, как сказано, приостановил «следствие по обвинению ландгерихстрата д-ра Пауля Раймерса в непреднамеренном убийстве... Обвиняемому инкриминируется «соучастие в вынесении смертного приговора следующим лицам...» и приводится перечень 192 имен и фамилий. В оправдание бывшего судьи-палача Раймерса генеральный прокурор сообщил заметить:

«...Даже если бы была точно известна доля участия обвиняемого (сиречь уважаемого ландгерихстрата равенсбургского суда. — З. Э.) в вынесении этого приговора, то все же в оправдание его следовало бы учесть, что из-за **некоторой юридической слепоты** при оценке человеческих проблем, связанных с подобными ситуациями, он полагал, что обязан голосовать за смертную казнь»...

Итак, мы познакомились с ландгерихстратом, страдающим столь опасным глазным заболеванием. Но мы еще не знаем, есть ли в Равенсбурге или в Штутгарте окулисты, умеющие исцелять таких пациентов от их «некоторой юридической слепоты». Это опасное заболевание знали еще в Веймарской республике. Но за последние десять лет оно стало эпидемией. Можно точно предсказать: в случаях, когда не пойдет в ход очки Шмерах и глобус, лупа и рейнефартс, нюсляйнах и лейббрандах, диагноз будет неизменно гласить: **«юридическая слепота»**. А усомниться в «честности и открытости» страдающих ею никак невозможно, ибо такого «общее мнение» не знает. Мы ошибемся, предположив, что сильные выдающиеся специалисты, облаченные в черные западные мантии, станут успешно лечить пациентов, пораженных «черной водой». Да ведь и пациенты-то непростые: у них собственные виллы, собственные автомобили, даже собственные телефонные линии. Следовательно, «юридическая слепота» — болезнь именитая и почтенная. Однако необходимо всемерно оберегать покой больного. Только при этом условии, окруженный почестями и всеобщим вниманием, он может прожить более 90 лет.

ДАВНО уже пора бы народу — то есть нам, то есть мне, то есть тебе! — давно пора положить секиру под корень дерев, пропитанных коррупцией и ядом, окрашенных в цвет неправедности... У нас же, когда наступает вечер, мы, я, ты говорим: «Завтра мы срубим дерево неправедности!» Но с рассветом мы поднимаемся со своего ложа, пьем кофе и отправляемся на работу. Топор остался в подвале; дерево неправедности растет в парке. По пути на работу мы, я, ты приветствуем дерево, которое хотели срубить. Мы вспоминаем о своем обещании, о топоре, лежащем в подвале, и вздыхаем: «Завтра наверняка! Бедное дерево! Завтра...» Но постепенно уходит день, и настает час вечерней трапезы, час федерально-республиканского телевидения. Снова восходит добрая немецкая луна, снова в небе загораются милые немецкие звездочки. А предпоследний взнос за купленную в рассрочку малолитражку «фольксваген» еще не уплачен...

А дерево? Да уж ладно, пусть его стоит! Сперва «фольксваген» и радиола для Розы. Без праведности прожить можно, а вот без машины, без радиолы...

«Положим секиру под корень!» — кричит кто-то и днем, и ночью. Ему не надо ни машины, ни радиолы — он хочет справедливости. Неудобный человек! Страшно неудобный в стране, где так много удобств.

— Положим секиру под корень! — кричит он, когда мы сидим по пивным.

— Положим секиру под корень! — кричит он, когда мы нестоявуем на футбольном матче.

А мы глухи, и глухота эта сродни «юридической слепоте» шлегельбергеров и раймерсов. Но придет время, и мы начнем слышать. Это случится в страшный час... Мы услышим. И тогда опрометью бросимся в подвал за топором... Но окажется, что все деревья, к чьим корням следовало положить секиру, бежали. Бежали в Испанию, в Португалию, в Америку. Уж когда деревья решают бежать, они куда проворнее народа! Так было в 1918 году. Так было в 1945 году. Так может быть...

Почему же мы вновь терпеливо дожидаемся горестного смертного часа? Почему в час опасности, в час, когда надо поработать топором, мы думаем о радиоле для Розы? Почему мы позволяем деревьям неправедности и коррупции вырастать все выше и выше? Неужели мы ждем пыжолания справедливости и всяческой правды свыше? Деревья неправедности, вырастающие в небо, разговаривают с создателем на ты. Его они не страшатся. А вот мы могли бы их устрашить. Но мы... Мы как раз собираемся уплатить предпоследний взнос за «фольксваген».

ГАМБУРГ

Памфлет «Положить секиру под корень» принадлежит перу прогрессивного западногерманского публициста Зигфрида Эйнштейна, главного редактора гамбургского еженедельника «Ди андере цейтунг». Зигфрид Эйнштейн известен в ФРГ как автор ряда статей, памфлетов, фельетонов, в которых разоблачает бонненский милитаризм, фашизм, чинопочитание в особенности достается нынешним западногерманским расистам — преемникам повешенного в Нюрнберге Альфреда Розенберга. Еженедельник «Ди андере цейтунг» поддерживает политическую линию партии «Немецкий союз мира», выступающей за укрепление мира, за прекращение преследований прогрессивных сил в бонненском государстве.

Выродок и его хозяева

ЗАМЕТКИ ИЗ ЗАЛА СУДА

Василий АРДАМАТСКИЙ

ИТАК, за загородной для подсудимых — двое. Выродок из нашего дома — Пеньковский и британский подданный Винн. Они, между прочим, розовенькие — обоим сорок четыре года. Об англичанине что писать? Он понятен. Он волк из волчьего мира—бизнесмен серед него достатка, который решил прирабатывать на должности шпиона-связника. У него вид крепка—щуплый, с хлеевыми усиками, уходящими, пугливый. Он старательно делал свое нехитрое грязное дело, попался, понимает, что влип крепко, что отречься от фактов нельзя, и теперь озабочен только одним—как заставить суд поверить, что он совсем маленькая пешка в игрыдомой будто бы ему большой игре.

Другое дело Пеньковский. Тут есть о чем подумать, поговорить... Внешне у него вполне пристойный вид. Давая суду показания, он иногда жестикулирует, желая жестом пояснить сложный термин. Задание не было конкретно очерчено. Он говорит и рисует в воздухе круг. В формулировках он недвинчно настойчив, особенно когда речь заходит о самой черной грязи его дыл. Но именно здесь он вязнет в неразрешимых противоречиях.

Я слушаю, что он говорит, смотрю на него и думаю об одном: как мало случиться, что советский гражданин, человек образованный, занимающийся большим и интересным делом, стал иностранным шпионом? Как он стал грязным подлецом, торгующим Родиной? Ведь не родился же он шпионом?.. После опубликования сообщения о его разоблачении в редакции газет скапливались письма с вопросом: как такой негодяй мог оказаться на такой большой и важной должности? Вопрос этот, на первый взгляд, может показаться наивным: конечно же, умный негодяй тем и опасен, что он умеет скрыть свое подлое существо в маскрку, выставить приметы благородного и светлого человека. Но мне думается, что задающие такой вопрос интересуются не этим. Они знают, что Пеньковский рос, формировался и жил, как и всякий человек, на глазах у других, и если эти другие не слепцы, то им не могли не заметить тревожные моменты в его жизни и поведении, а заметив, не могли остаться равнодушными наблюдателями. И тогда читательский вопрос становится совсем ненаивным. Более того, для каждого думающего человека он — главный.

Когда у Пеньковского спросили на следствии, что побудило его стать изменником Родины, он ответил: «Я являлся носителем многих недостатков — был завистлив, себялюбив, тщеславен, имел карьеристские тенденции, любил ухаживать за женщинами, имел женщин, с которыми сожительствовал, ходил по ресторанам, — словом, любил легкую жизнь. Все эти пороки подтолкнули меня, и я сорвался... стал негодным человеком и предателем»...

Конечно, совершенно не обязательно, что каждый пьяница или развратник должен стать шпионом. Однако известно — и это подтверждено самой историей, — вербовщики шпионов прежде всего ищут пьяницу, болтуна, развратника или жадного до денег. В этом смысле Пеньковский явился им в максимальной «многогранности». И это уже как закон — моральное разложение, нравственное опустошение кадлат человека, и он, как сорванный осенним ветром лист, падает в грязь где придется. Когда Пеньковский подписывал обязательство «работать» на иностранные разведки, он своей рукой написал, что «в случае чего» он хотел получить или английское, или американское подданство. Суля ему райскую жизнь на Западе, резиденты двух разведок обещали ему там полковничье звание и соответствующий оклад и даже пошли на такую оперетку: показали ему два полковничьих мундира — английский и американский. И Пеньковский их примерял. «Какой же вам больше понравился?» — спросил председательствующий на суде тов. Борисоглебский. И вот тут Пеньковский... попытался обидеться. Понимает негодяй, что в приличном вопросе, заданном ему, затрагивается его достоинство простой и черной души. Да что там говорить — у него было даже два паспорта. Один подлинный, советский, а другой — изготовленный иностранной разведкой.

На суде Пеньковский бубнил что-то еще про «родимые пятна», которые-де «начали действовать» на него в 1960 году. О каких родимых пятнах можно сказать грех? Нет, не пятна эти начали действовать, а нравственное самоопустошение. Эту операцию произвел над собой сам Пеньковский, и вполне сознательно. Это произошло еще до того, как он стал шпионом. А когда им стал, то «красной» развлекался с теми же своими собутыльниками, но только теперь внимательно слушал их болтовню и, придя домой, делал из этой болтовни донесения для английской и американской разведок.

Совсем не следует, находясь во власти чувства презрения к этому негодяю, превращать его в фигуру из пьесы, вызывающую жалость. Не следует забывать, что, кроме тайника на калорифере парового отопления в подъезде дома на Пушкинской улице, были приемы в английском посольстве по случаю дня рождения королевы, на которые Пеньковский шел с секретными донесениями большой важности. Что были многочисленные его встречи с Винном и другими связными, во время которых он передавал важнейшие сведения. Что на него часами работала мощная радиостанция во Франкфурте-на-Майне. Что его обучали и инструктировали опытнейшие волки двух разведок. Как говорится в обвинительном заключении по делу Пеньковского О. В. и Винна Г. М., Пеньковский «активно собирал секретную информацию политического, экономического и военного характера...» Словом, Пеньковский — это крупный и опасный шпион. Мы должны быть благодарны нашим чекистам, которые поймали его, разоблачили и отдали в руки суда.

Мне хочется под конец остановиться еще на одном моменте... Когда Пеньковский приезжал в Лондон, на свидание с ним приходили сразу четыре разведчика: два английских и два американских. Казалось бы, вот где, наконец, мы видим трогательное единение партнеров по НАТО. Но, увы, когда с Пеньковским встречались порознь деятели американской или английской разведок, они старались уверить шпиона в своем преимущественном первородстве, всячески третировали своих партнеров и уверяли, что главная цель, на которую должен работать шпион,— они. Как это характерно для партнерства под из мира «желтого дьявола». Даже Пеньковский позволяет себе на суде иронизировать по поводу грызни своих хозяев!..

***

8 мая в Москве, в зале судебных заседаний Верховного суда СССР, продолжался судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок, гражданина СССР Пеньковского О. В. и подданного Великобритании, шпиона-связника Гревилла Винна.

На утреннем и вечернем заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР продолжался допрос подсудимых.

Ангел ТОДОРОВ, болгарский поэт

Ива

Повсюду грязные валялись каски.
Мы шли через воронки от гранат.
А перед нами красотой и лаской
Светилось небо — золотой закат.

Еще вчера земля была здесь вдом,
Разрыта, докрасна раскалена.
Мне она напоминалась одна —
снарядом
Была с корнями вырвана она.

И около реки серебровоной
Раскинулась. Забыть я не могу
Ее зеленый прах непогребенный
На том испепеленном берегу.

Она могла бы жить, шуметь
листвою,
Могла бы нарядиться по весне.
И, в чистый снег закутавшись,
вимою,
Сверкать в непогрешимой тишине.

Теперь, когда враги опять готовы
Посеять смерть и жизнь
испепелить,
Насторожась, как на войне
гурлиной,
Об этом надо помнить,
ворким быть!

Перевел Александр ГАТОВ

Сергей Иванович Соболевский

6 мая на 99-м году жизни скончался крупнейший ученый в области классической филологии Сергей Иванович Соболевский.

Начав свою деятельность в Московском университете, С. И. Соболевский воспитал много поколений филологов и до последних лет своей жизни руководил занятиями студентов и аспирантов университета. Научную и педагогическую работу Сергей Иванович вел также в московском археологическом институте и в других высших учебных заведениях. В 1928 году он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР: с этого времени он вел работу главным образом в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР.

Под редакцией С. И. Соболевского вышла трехтомная история греческой литературы (1946—1960 гг.) и двухтомная история римской литературы (1959—1962 гг.), в которых Сергеем Ивановичем написано много глав. Сергею Ивановичу принадлежит более 200 научных работ.

Научное общение с С. И. Соболевским было всегда большой школой для филологов. Память о Сергее Ивановиче не умрет среди ученых и среди всех, имевших счастье общаться с ним — выдающимся ученым и добрым, сердечным человеком.

Президиум Академии наук СССР:
Отделение литературы и языка Академии наук СССР;
Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Ю. БАРАБАШ (зам. главного редактора), Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, Е. ОСЕТРОВ, О. ПРУДКОВ, Г. РАДОВ, Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, С. РОСТОЦКИЙ, Я. СМЕЛЯКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ, А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-90-33, искусств — Б 1-11-69, литературы народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

ИНДЕКС 50067

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—01273